

Сергей
Зверев

СВЯТОЙ:

ПРИГОВОР ПРИВЕДЕН
В ИСПОЛНЕНИЕ

Святой (Саймон Темплар)

Сергей Зверев

Приговор приведен в исполнение

«Научная книга»

2002

Зверев С. И.

Приговор приведен в исполнение / С. И. Зверев — «Научная книга», 2002 — (Святой (Саймон Темплар))

Задание, которое поручил Святому баснословно богатый «новый русский», из тех, что не просто опасно, а опасно смертельно. Но опасность – стихия Святого. Среди заснеженных горных хребтов южной республики в нем вновь просыпается бывалый спецназовец, полагающийся больше на инстинкт, чем на разум. В конце концов привыкнуть можно ко всему – к лязгу затворов, горам трупов, потокам крови. Но к предательству привыкнуть нельзя. И прощать его тоже нельзя. Пройдя по лезвию, Святой возвращается, чтобы покарать того, кто его предал.

© Зверев С. И., 2002

© Научная книга, 2002

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сергей Зверев

Приговор приведен в исполнение

Часть I

*Ночью, в пустынных полях, далеке от Рима, я раскинул шатер, и
мой шатер был мне Римом.*

Плутарх. Сочинения

Телохранитель, здоровенный малый в наглухо, под горло, застегнутой куртке, зябко ежился. Поставленный в оцепление, он контролировал спуск к оврагу, самому гиблому месту на всей территории, приспособленной для игры в пейнтбол.

Где-то в глубине осиновой рощи, начинающейся за провалом оврага, резвился босс, расстреливающий противников желатиновыми шариками, начиненными краской. Хозяин телохранителя любил охоту на людей, пускай даже бескровную. Несколько раз парню казалось, что он видит краксистую фигуру шефа, облаченную в прорезиненные доспехи, предохраняющие от ударов и краски. Скользя между деревьев, появляясь внезапно из-за стволов, босс шел легкой поступью матерого хищника, преследующего жертву. В мастерстве совершать обходные маневры он достиг совершенства, и телохранитель в глубине души гордился своим хозяином, не умевшим проигрывать. Возвышаясь глыбой над краем оврага, на дне которого клубились рваные клочья разогнанного ветром тумана, верзила искренне желал боссу удачи, не сомневаясь в его победе.

Промозглый ветерок пробирал до костей. Он просто доконал парня. Пистолет, стылый комок железа, отказывающийся принимать тепло тела, ледяным холодом обжигал подмышку. Отойдя от обрывистой кромки оврага, казавшегося из-за сумрака и тумана бездонным, телохранитель счистил сломанной веткой налипшие на подошвы комки глины. Подумав, он достал из наплечной кобуры пистолет и переложил в карман куртки, где неожиданно жалобно запищала портативная рация, словно протестуя против соседства с оружием.

– Алик, у тебя все в норме?! Посторонних не замечал? – Старший группы секьюрити проверял посты оцепления.

Поглазев для порядка по сторонам, охранник бодро ответил:

– Территория под контролем. Тишина...

– Замерз? – проявил участие старший.

Верзила, переключив рацию на передачу, шмыгнул носом:

– Холодрыга, блин. Осень, а такой колотун.

В вышине по кронам деревьев, лохматя остатки листвы, пронесся порыв ветра.

– Подбери сопли! – глухим хохотком отозвалась рация. – Еще немного – и финишируем. Босс бабу завалил. Остался последний мудака. Не повезло сегодня шефу с достойными противниками. Не на ком оттянуться. Одни лохи. Не расслабляйся, Алик. Скоро отбой!

Щелчок возвестил о конце связи. Новость взбодрила окоченевшего верзилу, предвкушавшего обильный горячий обед с выпивкой. Хозяин по заведенной традиции отмечал успешную охоту мини-банкетом, позволяя задействованным в оцеплении секьюрити расслабиться больше обычного. Разогретый приятными мыслями, он засек по массивным наручным часам время, бормоча под посизевший нос:

– ...Чтобы поймать и грохнуть придурка, минут пятнадцать понадобится. На сборы столько же.

Телохранитель суммировал минуты, стремясь поскорее убраться из пахнущего могильной гнилью опостылевшего леса с вязкой, пропитанной влагой, чавкающей под ногами почвой. Он даже сделал несколько шагов по направлению к командному пункту игры в пейнтбол, но, подчиняясь долгу, вернулся.

Прислонившись к дереву, охранник осмотрел пейзаж: неровную местность, понижавшуюся к оврагу. Сорвавшиеся с ветвей капли упали за шиворот, заставив его смачно выругаться. Вытирая ладонью затылок, телохранитель собрался было поднять воротник куртки. Внезапно из колышущихся белесых волн тумана, низко стелющихся над землей, возник силуэт мужчины. Он двигался плавно, будто плыл.

– Эй! – Наметанный глаз охранника определил в человеке чужака. – Ты куда забрел?! Здесь запретная территория.

Пришелец, высокий и смуглолицый, спокойно повернул на окрик. Не меняя темпа ходьбы, он приближался к набычившемуся верзиле.

– У нас нет частной собственности на землю, и военных объектов тут отродясь не было! – разводя руками, с миролюбивой улыбкой произнес незнакомец.

Налипшая на одежду листва, серебристые нити паутины говорили о том, что он шел не по проторенным дорогам, а по полю и перелеску. Глаза смотрели с усмешкой на раздувшегося от важности верзилу.

– Грибник, что ли? – не разжимая губ, процедил охранник, делая шаг навстречу.

– Грибник... – отозвался незнакомец, приглаживая темные волосы, взъерошенные ветром.

Расправив плечи, битюг, задетый слишком независимым тоном вторгшегося на территорию полигона мужчины, злобно просипел простуженным голосом:

– Ты мне лапшу на уши не вешай. Корзина где?! Мотай отсюда, пока в лобешник плюху не закатил. Сказано: запретка здесь для таких крестов, как ты, и весь базар.

Он толкнул чужака в грудь, но тот даже не пошатнулся, словно вкопанный в землю.

– Дружище, я ведь пароль знаю! – посмотрев куда-то через плечо телохранителя, тихо сказал незнакомец.

Загадочная фраза ошеломила туго соображавшего громилу. Никакие условные слова, сигналы и знаки в оцеплении не применялись.

– Кирул лишнего? Чего пургу гонишь?! – выдвинув нижнюю челюсть, промычал верзила, став похожим на укутанную в куртку мордастую гориллу.

Адская боль обожгла его правое ухо. Присев от неожиданного удара, телохранитель сунул руку за пазуху к пустой кобуре и замер, замороженный страхом. Вороненый ствол пистолета уткнулся в его нос.

Коротко, без замаха незнакомец саданул охранника рукоятью пистолета в висок. Обмякшая туша тяжело скользнула по глинистому склону оврага, оставляя за собой взрытый след с брусничными капельками крови.

– Пароль на сегодня «Сан-Стефано-дель-Сантино»! – прошептал мужчина, снимая оружие с предохранителя. – Я передам это твоему боссу!

* * *

До туристического бума местечко Сан-Стефано-дель-Сантино было обыкновенной итальянской дырой, пропахшей рыбой, кисловатым виноградным вином не лучшего качества и персиками с окрестных плантаций. Главная его достопримечательность, католический собор со средневековой статуей великомученика Святого Стефана – небесного покровителя городка, – и остатки древней крепостной стены любителей старины не привлекали. Сонная провинция лежала в стороне от традиционных туристских маршрутов. Местные жители, не слишком пред-

приимчивые по натуре, предпочитали жить по старинке, не заглядывая дальше своего носа. Рыбаки выходили в море, крестьяне – на поля и виноградники. По воскресеньям они слушали мессу в соборе, шепотом делясь последними сплетнями. И никто из жителей Сан-Стефано-дель-Сантино не благодарил Бога за золотой песок берегов бухты, у которой примостился городок, лазурную воду залива, потрясающий по красоте ландшафт и не отравленный ядовитыми выбросами промышленных предприятий воздух.

Отгрохотала Вторая мировая война, которую местечко пережило все в той же полусонной дреме: пришла дюжина похоронок на парней, сложивших головы где-то в песках Ливийской пустыни и в заснеженных полях под Сталинградом, да, заблудившись случайно, заскочил разведывательный патруль англичан, разыскивающий свою часть.

Мир менялся. Послевоенная Европа поднималась из руин, быстро забывая об ужасах войны. Люди возвращались к нормальной жизни, а для европейца она немислима без полноценного отдыха или необременительного путешествия. Курорты росли как на дрожжах, принимая белокожих датчан, веснушчатых немцев, флегматичных бельгийцев. Настал черед и Сан-Стефано-дель-Сантино.

Первыми заметили райский уголок американские летчики с военной авиабазы в Северной Италии. Выполняющий тренировочный полет командир бомбардировщика «Б-17» сбросил высоту, обзревая живописное побережье. Голубой залив, окаймленный песчаными пляжами, показался ему переливающимся под солнцем драгоценным сапфиром, вставленным в золотую оправу. «Летающая крепость», пилотируемая человеком, не лишенным чувства прекрасного, на бреющем полете пронеслась над городком, помахав крыльями и подавая знак «Я еще вернусь».

Местечко очень скоро стало излюбленным местом отдыха бравых парней с натовских военных баз, предпочитающих развлекаться с подружками подальше от ревнивых мужей и глаз придирчивого начальства. По следам военных потянулись крупные туристические компании, осваивающие новые места на побережье. Первые комфортабельные отели появились в середине шестидесятых вместе с современной автострадой, соединившей Сан-Стефано-дель-Сантино с ближайшим городом, имевшим современный аэропорт. Дотошные археологи, перекопав окрестности, нашли еще несколько исторических развалин, до которых так падки любознательные туристы. Акваторию маленького рыбацкого порта почистили, причалы переоборудовали под стоянку прогулочных катеров и яхт, соорудили мини-аквапарк с аттракционами.

История рыбацкого захолустья завершилась. Началась жизнь не очень дорогого, но вполне респектабельного и симпатичного курорта, постепенно завоевывающего известность. Местные жители переквалифицировались в официантов, гидов, прочий обслуживающий персонал растущих, словно грибы после дождя, отелей. Многие ударились в торговлю, открыв сувенирные лавки, магазины, бары. Те, кому улыбнулась фортуна, развернулись на широкую ногу, обзаведясь бутиками с эксклюзивным товаром и бижутерией. Магазины заняли целый квартал. Владельцем нескольких из них являлся благообразный английский джентльмен, которого местные жители давно считали своим.

Дэвид Стерлинг, британский подданный, выгодно купив недвижимость, построил на собственные средства виллу с чудесным видом на море. Позднее, включившись в туристический бизнес, англичанин расширил свое участие: приобрел и переоборудовал два комплекта виллетт – удобных и недорогих апартаментов с отдельным входом для туристов, предпочитающих тихий отдых подальше от людской толчеи. Скромный, как и подобает истинному джентльмену, Дэвид Стерлинг отказался жить в особняке, сдав виллу в аренду состоятельным господам. Сам же, невзирая на почтенный возраст, окунулся с головой в дела туристического бюро, носящего его имя.

Горожане уважали пожилого англичанина. Встречая его во время ежедневной вечерней прогулки на набережной, каждый считал своим долгом поприветствовать мистера Стерлинга,

называя его полковником. Он не перечил, хотя на войне Дэвид Стерлинг дослужился лишь до младшего офицерского звания вооруженных сил Его Королевского Величества. Но оно много стоило...

Старожилы городка помнили молодого офицера, командующего группой разведчиков, их джипы со стволами станковых пулеметов «Виккерс». Солдаты попросили немного еды и бензина. С едой проблем не было, а вот бензин в апреле сорок пятого ценился на вес золота. Появшись, двое зажиточных горожан приволокли заполненные под завязку канистры. Офицер, поблагодарив, вручил каждому расписку, гарантирующую оплату за топливо.

Под текстом расписок стояла подпись: «Дэвид Стерлинг».

Выплатить долг удалось не сразу.

У развилки дорог отряд англичан попал в засаду, устроенную озверевшими от поражений и крови головорезами из эсэсовской дивизии «Хорст Вессель». Недобитые фанатики, собираясь уйти в небытие, старались прихватить с собой как можно больше врагов. Разорвавшийся заряд фаустпатрона искорежил джип, шедший в голове колонны. Осколки прошли комбинезон Стерлинга, повредив грудную клетку и задев оба легких. Ответный огонь пулеметов, снятых с истребителей и смонтированных за креслами водителей джипов на специальных станинах, заставил вояк в грязно-зеленых мундирах «Ваффен-СС» горько пожалеть о своей выходке. Стволы выпускали тысячу двести пуль в минуту, кромсая и разнося эсэсовцев буквально на куски.

Месяц лейтенант Стерлинг харкал кровью, пачкая белые простыни военного госпиталя. Подлечив, врачи сочли его транспортабельным и предписали переправить на родину. Однако с той поры у Дэвида Стерлинга появились проблемы с легкими, не принимавшими климат Британских островов.

Помучившись несколько лет, ветеран войны сменил родные туманы на целебный воздух Адриатики. Сан-Стефано-дель-Сантино стал его вторым домом.

Потерявший юную жену (она погибла при ночной бомбардировке Лондона стервятниками Геринга), бывший командос остался холостяком, никаких привязанностей, кроме своего бизнеса и яхт, у него не было. Возраст заставил Стерлинга отказаться от хождения под парусом, но он часто посещал пристань яхт-клуба, чтобы переброситься словом-другим со знакомыми.

Однажды во время короткого пустячного разговора с приятелем, готовившим свою яхту к долгому морскому переходу, старик заметил медленно идущего по пирсу мужчину. Одетый в стандартную униформу туриста – светлые брюки и майку навыпуск, этот человек отличался от празднующихся отдыхающих своей внутренней собранностью, выражавшейся в скупых, размеренных движениях, чуть наклоненной вперед голове. Он не размахивал руками, не глаzel по сторонам, любясь предзакатным небом, меняющимися цвет водами залива. Темноволосый, широкий в плечах мужчина, явно погруженный в себя, просто брел и казался немного потерянным.

Стерлинг проводил незнакомца взглядом:

– Странный парень.

Итальянец, проверявший блоки такелажа, поднял глаза:

– Действительно, полковник, любопытный типчик. На бродягу не похож, а работу ищет.

– Работу? – заинтригованно переспросил старик.

Спортивная трапециевидная фигура незнакомца не вязалась с образом неудачника, испытывающего нужду. Свои услуги предлагали югославы, албанцы, болгары, готовые вкалывать с утра до вечера, лишь бы положить в карман несколько тысяч лир. Но обычно такие просители походили на побитую камнями собаку.

– Да, полковник! Парень желает подзаработать, – подтвердил яхтсмен, идя вдоль борта.

Двигаясь параллельно ему, Стерлинг спросил:

– Албанец?

Собеседник покачал головой:

– Непохоже! По-итальянски говорит неважно, а на вашем родном языке, полковник, шпарит здорово. Я, во всяком случае, хуже... Поднимайтесь, пропустим по стаканчику.

Стерлинг жестом отказался. Старый солдат интуитивно угадывал в уходящем человеке профессионального военного. О принадлежности к этой касте свидетельствовала выправка, которую не могла скрыть даже легкомысленная одежда отдыхающего.

– Спасибо, дружище, как-нибудь в другой раз. – Старик следил глазами, обесцвеченными временем, за необычным иностранцем.

Закончив проверку блоков, яхтсмен вытер руки ветошью, поправил кепку с длинным козырьком и, заметив интерес Стерлинга к незнакомцу, поспешил выложить:

– Парень обмолвился, что он русский. Вроде бы собирается задержаться надолго. Бросить якорь в Сан-Стефано. Я бы мог предложить работу, но вы знаете, каково иметь дело с эмигрантами. Полиция печенку выест, да и штраф мне не по карману. Засекут – хлопот не оберешься.

Уважаемый гражданин Сан-Стефано-дель-Сантино Дэвид Стерлинг, до неприличия быстро попрощавшись, засеменял шаркающей старческой походкой, подхватив под мышку бамбуковую трость с серебряным набалдашником. Он нагнал незнакомца у автостоянки рядом с причалом. Задыхаясь от быстрой ходьбы (давали знать о себе пробитые легкие), старик окликнул его, протягивая ладонь. Мужчина остановился, обернулся. Немного удивленный, он ответил на приветствие. Старик, едва слышно охнувший от нерасчетливого крепкого рукопожатия, представился:

– Дэвид... Дэвид Стерлинг.

Иностранец, чью кожу уже позолотил загар, машинально ответил:

– Дмитрий...

Он пристально всмотрелся в глаза новому знакомому, затем с некоторой настороженностью спросил по-английски:

– Вы понимаете по-русски?

Морщинистое лицо Стерлинга расплылось в улыбке. Похлопав Дмитрия по плечу, он потеплевшим голосом произнес:

– Нет. Но у меня есть причины уважать людей, говорящих на этом языке. Веские причины...

В потрепанном загранпаспорте Дмитрий Рогожин значился под другой фамилией. Действительности соответствовала только фотография, припечатанная штампом с размытыми краями и плохо читаемыми буквами. На некоторых страницах расплывались жировые пятна.

– Документ должен выглядеть соответственно, поэтому я сделал потрепанную обложку, добавив немного грязи внутрь. Часто путешествующий человек вызывает меньше подозрения у псов с таможни и погранконтроля, – мотивировал мастер по изготовлению фальшивых бумаг.

Святой готовился покинуть Россию, где ослепшее правосудие занесло над его шеей топор. Превратности судьбы заставили его искать помощи у патриарха криминального братства, бутырского сокамерника по кличке «Струна». Сухой, словно щепка, потомственный вор-карманник, обязанный ему жизнью, не стал рассыпаться в приклятых клятвах. Он просто взял Святого под руку, усадил в такси и привез в неприметную граверную мастерскую, разместившуюся в полуподвальном помещении с ослизлыми от сырости стенами.

Мужчина, отличающийся нездоровой полнотой, следствием сидячей работы или нарушенного обмена веществ, поднялся с кресла, облобызался со Струной.

– Каким ветром занесло? – спросил он, косясь на Святого.

– Попутным, – ответил вор, продвигая приятеля вперед, в круг света лампочки без абажура.

Рыхлый толстяк измерил Святого узкими, по-крысиному острыми глазками.

– Струна, я завязал с фальшаком, – догадываясь о цели посещения гостями своей норы, предупредил он.

Вор подошел к столу, покопался, перебирая предметы, выудил лупу, которой пользуются часовщики. Вставив в глаз увеличительное стекло, Струна деловито произнес:

– Некогда драть, приятель. Нужны чиги выточные. Сделай железную ксиву, чтобы отвалить за бугор. Разбашляемся по полной.

Святой поддержал:

– Заплатим. Деньги имеются.

Толстяк, похожий на страдающего ожирением кастрированного кота, яростно почесал подмышку с проступившим пятном пота на рубашке и почмокал, завернув нижнюю губу.

– Давай фото. Зайдете через два дня. Тебе, Струна, отказать не могу, а бабки роли не играют, – сказал он, регулируя настольную лампу дневного света, не дающую тени.

У выхода гравер задержал посетителей:

– Надеюсь, твой кореш не имеет ничего общего с политикой? Извини, что спрашиваю, но это мой принцип.

Ладонь вора потрепала пухлую щеку обитателя сырой каморки:

– Охренел, сидя в яме?! Поменьше газет читай! Мы же честные люди. Фуфла не гоним...

Гравер был пунктуален. Через двое суток он достал из ящика стола книжицу с загнутыми краями. Гордый плодами своего труда, он пролистал страницы, демонстрируя под увеличительным стеклом с ультрафиолетовой подсветкой защитные знаки.

– Никто не догадается, что паспорт фальшивый. Подписи, печати лучше оригиналов. Настоящее произведение искусства, – похвалил себя толстяк.

Святой взял документ, передавая взамен конверт с оговоренной ранее суммой. Пряча паспорт в карман джинсовой куртки, он сказал ровным, ничего не выражающим голосом:

– Скоро проверим твоё художество...

Ровно за два часа до вылета «Боинга-737» авиакомпании «Трансаэро», зафрахтованного для совершения чартерного рейса группой туристических фирм, динамики зала ожидания аэропорта пробуждали о начале таможенного досмотра и пограничного оформления пассажиров. Граждане засуетились, подхватывая сумки и покорно выстраиваясь в очередь. Некоторые спешно заполняли декларации, консультируясь с бывалыми соседями.

Начальник дежурного пограничного наряда, купив в киоске сигареты, возвращался на рабочее место. Пересекая зал, он, подчиняясь профессиональной привычке, мимоходом разглядывал пассажиров. Из общей людской массы его цепкий взгляд выделил эффектную пару – подтянутого мужчину с фигурой атлета и провожавшую его молодую женщину. Коротко стриженная брюнетка, прилипнув к спутнику, что-то тихо говорила ему, как бы уговаривая остаться. Непроизвольно пограничник сравнил девушку со своей опустившейся женой – вечно брюзжащей каргой с необъятными формами. Позавидовав крепко скроенному красавцу, он подумал, что нет никакого смысла оставлять такую куколку дома и шастать по заграничным курортам в поисках сомнительных приключений.

Вдруг участок его мозга, заполненный тысячами фотографий с оперативных ориентировок на преступников, которых надлежало задержать, выдал тревожный импульс. Лицо девушки затесалось каким-то образом в хранящуюся под черепной коробкой картотеку. Зрачки пограничника сузились, фокусируя зрение на безупречно правильных чертах лица брюнетки. Под черепом зашелестели невидимые листы с грозными предписаниями: при обнаружении немедленно информировать представителя ФСБ... разыскивается Интерполом... принять меры к задержанию.

Лысина начальника интенсивно выделяла пот. Ему пришлось снять фуражку и обмахнуться головным убором, словно веером. Природный компьютер, натренированный годами

службы, не дал сбой и выудил нужную информацию. Пограничник, игнорируя повышенное внимание пассажиров к своей персоне, облегченно рассмеялся раскатистым баском. В смиренно взирающей на своего спутника девушке он узнал восходящую звезду столичной журналистики Дарью Угланову, специализирующуюся на скандальных расследованиях. По материалам ее статьи, посвященной бардаку и коррупции, процветающим в главных международных аэропортах Москвы, пресс-центры Таможенного государственного комитета, Федеральной погранслужбы и прочих заинтересованных контор опубликовали ряд опровержений, а газету с фотографией смелой журналистки сотрудники зачитали до дыр, передавая из рук в руки. Магия печатного слова состоит в том, что люди любят читать о себе даже нелицеприятные вещи. Пропесочив служивый народец, оберегающий границу, журналистка, не зная того, снискала у них нечто вроде популярности.

Начальник, рассекая почтительно расступающуюся толпу, поспешил к подчиненным. Заходя в кабины, он сообщал женщинам с зелеными погонами прапорщиц, готовившимся к проверке документов:

- Девочки, хахаль Углановой бока прогреть летит.
- Той самой... – заахали прапорщицы.

Начальник нахмурил кустистые брови, изображая высшую степень озабоченности.

– Повеселее с журналюгами. Может, мужик задание получил компромат на нас накопать.

Делиться наблюдениями с таможенниками он не считал нужным. Застарелое соперничество двух служб, призванных блюсти интересы государства, обязывало его поступить подобным образом, и если судьбе угодно вылить на таможенников ушат помоев, то так тому и быть – постановил пограничник.

Очередь сокращалась. Таможенники проводили досмотр спустя рукава. Среди туристов редко попадались контрабандисты. Контингент мелких предпринимателей, выкrojивших деньги, чтобы вывезти семью в Европу, подозрений не вызывал. Крутилась вертушка, пропускающая пассажиров. Диктор призывал опоздавших поторопиться.

Мягко улыбаясь, Святой высвободил свой локоть из пальцев девушки. Он не переносил долгих прощаний, особенно перед рискованными предприятиями.

Подхватив сумку, он чмокнул Угланову в щеку:

- Пожелай мне удачи.

– До свидания, Святой. Я рада, что в репортаже о тебе не поставлена точка. Дай знать, когда устроишься.

Девушка отступила на шаг, открывая путь к вертушке. Энергично встряхнувшись, Святой пристроился за спиной почтенной дамы, успевшей водрузить на голову плетеную шляпку, и направился вперед. Забежав сбоку, Угланова приподнялась на цыпочки и крепко поцеловала его в губы.

- Я никогда тебя не забуду! – горячо прошептала она.

Святой, легонько отталкивая журналистку, отшутился:

- Не позволю. Не надейся. До скорого, Дарья... Даст бог, свидимся!..

Надменный таможенник отодвинул распотрошенный чемодан, принадлежавший даме в соломенной шляпке. Вяло, точно осенняя муха, он покопался среди вещей Святого, наморщив нос, изучил декларацию и обвел жирной линией графу суммы валют.

- Разрешение на вывоз имеете? – простуженно просипел неприятный инспектор.

Зеленоватый листок сертификата банка лег на стойку. Святой подал документ молча и попутно подумал, созерцая натянутые лица пассажиров, проходящих контроль: «Откуда в нас неистребимый страх? Почему выезжающий за границу ощущает себя потенциальным преступником? Хорошо, что в детях уже нет этой рабской покорности и они способны резвиться даже перед таможенными держимордами».

Вялый таможенник достал смятый носовой платок. Громко высморкался, не отпуская пассажира. Прodelав процедуру, он милостиво позволил:

– Проходите, уважаемый. Не задерживайте.

Оставался последний барьер, чья прочность определялась зоркостью глаза пограничников и мастерством гравера.

Войдя в узкий коридор между двумя кабинами, Святой подал паспорт. Стараясь сохранять нейтральное выражение лица, он следил за действиями симпатичной белобрысенькой прапорщицы с редкой челкой. Контролер ФПС просмотрела служебный блокнот, сверяя серию и номер паспорта.

– Коноплев Дмитрий Сергеевич? – строго переспросила блондинка.

– Он самый.

– Летите в Италию?

– Куда довезут! – решил побалагурить Святой.

– По индивидуальному туру? – официальным тоном продолжала прапорщица.

Бывавший в переделках похлестче, чем паспортный контроль, Святой тем не менее ощутил нервное покалывание в кончиках пальцев рук.

– Точно так!

Двери в кабину распахнулись, пропуская начальника смены. Офицер, склонившись к девушке, что-то быстро прошептал ей на ухо. Белобрысая прапорщица, моргнув, подняла глаза, пожирая взглядом Святого. В ее глазах блеснули искорки любопытства, а паспорт переключал к старшему по званию.

«Кажется, влип, – решил Святой. – Сейчас закружится карусель. Где же облажался гравер? Какую закорючку повернул не в ту сторону?»

Въедливо изучив разлохмаченную книжицу, начальник пограннаряда с ехидцей в голосе заметил:

– Господин Коноплев, где вы паспорт храните? В холодильнике или в духовке кухонной плиты?

Прапорщица коротко хихикнула, поднеся к губам сжатый кулачок. Ее скудная челка рассыпалась слипшимися сосульками.

– Простите, не понял? – Святой, выражая искреннюю заинтересованность, придвинулся к стеклу кабины.

– Бережнее с документами надо обращаться. Посмотрите...

Нагнувшись так, что половина лица стала невидимой для людей с зелеными погонами, Святой, скорчив скорбную физиономию, разглядывал развернутый документ, прижатый к стеклу.

Отвратительное пятно, вобравшее в себя все цвета радуги, походило на клеймо, оставленное нечистоплотным животным, опорожнившимся на бумагу.

«Перестарался гравер с маскировочной мазней. Нагадил лишнего», – выругался про себя Святой.

Занудливо растягивая слова, пограничник продолжал нравоучение:

– Паспорт, между прочим, основной документ, удостоверяющий вашу личность. В следующий раз, господин Коноплев, мы будем вынуждены не пропустить вас. Потрудитесь обменять паспорт на новый и хранить его в надлежащем месте.

Демонстративно шлепнув книжицу на стол, офицер удалился. Клацнул механизм штампа, оставившего фиолетовую отметку контрольно-пропускного пункта. Дорога из России была открыта...

Когда самолет выруливал на взлетную полосу, прапорщицы, пользуясь перерывом, судачили за чашечкой кофе, расслабляясь перед очередным оформлением.

– Вздрычил майор мужика журналистки! – прихлебывая ароматный напиток, делилась блондинка. – Отчитал, как пацана, а тот даже слова поперек не сказал. Стоял навтыжку перед Петровичем... Без выпендрежа...

Гул турбин взмывающего в небо «Боинга» проник через стены служебного помещения. Прапорщица, сделав паузу, похрустела печеньем. Толком не прожевав, она прошепелявила набитым ртом:

– Классного парня Углового себе отхватила. Только зря отпускает его шастать по курортам. Перехватят в два счета...

Городок с домами под черепичными крышами сразу очаровал Святого. Старая часть Сан-Стефано-дель-Сантино, еще сохранившая средневековый колорит, казалась иллюстрацией из книги сказок: узкие, мощенные стертymi тысячами подошв камнем улочки, цветники на балконах, прикрытых пестрыми тентами, источники воды, обложенные плитами пожелтевшего мрамора, овощные лавки с говорливыми продавцами, нахваливающими товар. Курорт на востоке Абруцци, исторической провинции Италии, был идеальным местом для изгнанника. Затерявшись среди туристов, можно было спокойно прогуливаться, не дергаясь при встрече с полицейским из-за давно просроченной визы. Владелец крохотной гостиницы не лез с расспросами, неизменно высказывая восхищение мудрым решением постояльца продлить свое пребывание.

По утрам Святой просыпался с тяжелым чувством неопределенности. Он распахивал окно, усаживался на подоконнике и созерцал черепицу крыш, покрытую зеленоватым налетом. Выпив кофе, который ему, как уважаемому клиенту, дочь хозяина приносила в комнату, Святой отправлялся на пристань. Чтобы бросить якорь в Сан-Стефано-дель-Сантино, требовалась основательная зацепка. Стопка банкнот уменьшалась в объеме. Срок визы истек. Вынужденное безделье – худший вид пытки для деятельного человека – действовало на нервы. Первоначальная расслабленность и давно забытое чувство покоя сменялись хандрой.

Святой устраивал заплывы на длинные дистанции, доводя себя до полного изнеможения. Возвращаясь, долго отлеживался в укромном уголке дикого пляжа, куда забредали только влюбленные парочки. Однажды, направляясь в гостиницу после изнурительного морского марафона, Святой вдруг передумал и решил повременить с ужином. Бесцельно поплутав по улицам старого города, он вышел к собору. Вечерело. Туристы заполнили уютные ресторанчики и пиццерии. Оркестрики, капеллы, музыканты-одиночки наяривали то зажигательные, то меланхолические мелодии, отработывая гонорары, заплаченные хозяевами заведений.

Святому хотелось тишины. Массивные двери собора, покрытые резьбой, изображающей сцены из Библии, были открыты. Зайдя внутрь, Святой постоял минуту, давая глазам привыкнуть к полумраку. Несколько набожных прихожанок, молившихся под сводами храма, оторвавшись от разговора с небесами, оглянулись на пришельца и тут же вернулись к своему занятию. Высказав Богу свои просьбы, женщины одна за другой покидали собор. Из неприметной двери возле алтаря вышел храмовый служака, горбун неопределенного возраста, недовольно фыркнул на задерживающегося посетителя и по-крысиному юркнул обратно.

Пройдя сквозь колоннаду, Святой осмотрел могилы местных феодалов, захороненных в нишах стен, надгробные плиты с барельефами и скорбными эпитафиями напоминали о бренности жизни. У саркофага, стоявшего перед одной из ниш, Святой остановился, пытаясь разобратся в надписи. Какой-то представитель знатного рода, носивший титул графа, пал в расцвете лет на поле сражения. Его статуя в рыцарских доспехах возлежала на крышке саркофага, высеченная из темно-серого мрамора. Каменные руки графа сжимали рукоять двуручного меча.

– Простите, – Святой обратился к горбуну-служке, вынырнувшему из-за колонны, – вы говорите по-английски?

Горбун вжал подбородок в грудь:

– Немного...

– Я скверно знаю латынь. Переведите мне окончание эпитафии! – Свою просьбу Святой подкрепил купюрой в пять тысяч лир.

Подобревший служка, видимо, выучивший наизусть все надписи на усыпальницах, дребезжащим голосом пробубнил на плохом английском:

– После смерти от нас ничего не остается, кроме чести.

Тысячеголосое эхо под куполом повторило фразу:

– ...ничего не остается, кроме чести...

Горбун посторонился, уступая дорогу странному экскурсantu, продолжившему осмотр в глубокой задумчивости. Святой шел, повторяя про себя запавшие в душу слова, согревающие сердце. Он многое потерял: друзей, имя, обогнанное продажным правосудием, но только не честь. У алтаря, в восточном приделе храма, Святой сбавил шаг перед статуей патрона города великомученика Стефана. Каменотес, трудившийся над изображением небесного покровителя лет семьсот тому назад, не был слишком искусным скульптором. Великомученик получился насупленным, с грозно выпяченным подбородком и совершенно не смиренным выражением лица. Мимоходом бросив взгляд на статую, больше похожую на памятник разбойнику-барону или предводителю кровавого крестового похода, чем на образ пострадавшего за веру праведника, Святой тихо, словно немного стесняясь своего панибратского обращения к святому великомученику, прошептал:

– Хоть бы ты помог, приятель. Мы же с тобой вроде как тезки. Только ты на небесах, ближе к Господу, а я на грешной земле.

Перекрестившись по-православному, Святой направился к дверям собора, сопровождаемый горбуном, что-то лопочущим скороговоркой. Ступая по холодному каменному полу, рассеченному полосой света, струившегося из приоткрытого проема дверей, Святой не мог отделаться от ощущения, что статую великомученика смотрит ему в спину.

На следующий день он познакомился с Дэвидом Стерлингом.

Вообще-то отношение в Сан-Стефано-дель-Сантино к русским (а таковыми считали любого туриста из стран, некогда составлявших Советский Союз) было особенным. Их уважали за грандиозные траты в эксклюзивных магазинах, удивлялись чудовищному количеству спиртного, выпиваемому в один присест, побаивались за разгульный нрав после возлияний. В свод устных преданий городка молва записала ставшую легендарной драку, когда представитель далекой России, повздорив в ресторане с перебравшими скандинавами, за три минуты нокаутировал шесть человек. Пока официанты вызывали полицию, русский выскочил на улицу, купил у зеленщика тележку, утрамбовал на нее скандинавов и увез к себе в отель. По слухам, недавние противники прониклись к россиянину таким уважением, что несколько суток не выходили из номера и беспробудно пили, закусывая спаржей, апельсинами и прочим ассортиментом тележки зеленщика.

Впрочем, такие воспоминания оставила первая волна туристов, нахлынувшая из меняющей свой облик страны. Затем состоятельные русские, быстро разобравшиеся, что к чему, перестали отличаться от европейцев, хотя экстравагантных типов, швыряющих щедрые чаевые официантам, среди них по-прежнему хватало.

Все вышесказанное не относилось к нелегальным эмигрантам, желающим подзаработать. Этот сорт людей, без скидки на национальную принадлежность, местные откровенно не любили, находя их нахлебниками, повинными в безработице. Албанец ли, югослав или иной чужеземец из какой-нибудь нищей страны мог получить исключительно грязную работенку с мизерной оплатой у скупого хозяина, желающего сэкономить на дешевой рабочей силе в обход закона.

Со Святым англичанин повел себя иначе, по-джентльменски. Для начала он наведлся в мэрию и побеседовал по-дружески с ее главой. Затем нанес визит вежливости начальнику кара-

бинеров, намекнув на нежелательность слишком придирчивой проверки документов у своего нового помощника.

Почетному гражданину Сан-Стефано-дель-Сантино никто из представителей власти не отказывал. У стражей порядка хватало проблем с ворами-гастролерами, с осевшими на побережье албанцами, сбивающимися в бандитские шайки, а также с продавцами «дури», бесперебойно снабжающими ею почитателей наркотического кайфа. Мэр города, пропустив со Стерлингом по стаканчику вина пятилетней выдержки, выбор одобрил:

– Русские порядчнее, чем эти дикари-албанцы или вороватые румыны. Но почему бы вам не нанять югославов? Они такие покладистые...

Первое время старик приглядывался к Святому, доверяя исполнение мелких поручений вроде ремонта крыши виллетты, чистки бассейна, мойки машины, которую, несмотря на преклонный возраст, англичанин водил сам.

Постепенно они привыкали друг к другу – два человека, принадлежавших к разным мирам. Вечерами Стерлинг приглашал Святого на бокал коньяку, превращая эту процедуру в настоящую церемонию. Он регулировал кондиционер, доводя температуру в помещении до двадцати одного градуса по Цельсию, накрывал стол зеленой скатертью, а если темнело, заменял ее на белую, выставлял бокалы из тончайшего стекла, напоминающие тюльпаны с распустившимися лепестками. Плеснув на доньшко «Курвуазье», старик смотрел через идеально прозрачное стекло, оценивая цвет напитка, а затем вдыхал аромат крепкой жидкости, осваивающейся из стеклянной неволи. Спустя минуту Стерлинг делал маленький глоток, смакуя коньяк.

Присутствовавший при этой церемонии Святой каждый раз вспоминал ветеранов своей Родины – бедное, забытое старичье, получавшее убогие подарки ко Дню Победы, продающее за гроши ордена и медали, добытые кровью, влачившее жалкое существование в ожидании смерти как избавления от постылой жизни, недостойной победителей. От таких мыслей на душе становилось тошно, и Святой залпом опрокидывал коньяк, после чего следовала целая лекция Стерлинга о способах получения максимального удовольствия при употреблении божественного напитка.

Блаженно жмурясь, старик бормотал:

– Начинайте дегустацию глазами, полюбуйте цветом, прозрачностью и чуть маслянистой консистенцией коньяка. Повертите бокал в руках, заставляя улетучиваться нежный аромат. Когда ваше обоняние утонет в нем, настанет черед для губ и языка. Наслаждайтесь букетом.

Не желая обижать своего покровителя, Святой следовал указаниям англичанина, признавая его правоту в области вкуса. Потом наступал черед неторопливой беседы обо всем на свете. Человек с богатым прошлым, Стерлинг, сохранивший живой, острый ум и интерес к окружающему миру, нашел в Святом достойного собеседника, умеющего слушать.

Воспоминания – страсть пожилых людей, особенно если их прошлое было наполнено яркими событиями, рискованными ситуациями и встречами с неординарными людьми. Дэвиду Стерлингу было чем поделиться. Более того, именно в событиях полувековой давности Святой обнаружил причину странной для англичанина симпатии к русским. Предшествовала этому банальная перестановка мебели в достаточно скромном для состоятельного человека жилище.

– Дружище, помогите передвинуть чертов гроб. – Мистер Стерлинг подпирал плечом высоченный, до потолка, шкаф из красного дерева, занимавший четверть комнаты.

Святой запротестовал:

– Вдвоем нам не справиться. Надо позвать кого-нибудь.

Критически осмотрев антикварную мебель и упершись руками в стенку шкафа, он все же попытался сдвинуть его с места.

– Не поддается!

Старик порывисто распахнул дверцы и принялся доставать вещи.

– Сейчас разгрузим! – приговаривал Стерлинг, вышвыривая костюмы и висевшие на плечиках рубашки.

Посередине комнаты рос холм из одежды. Святой, зная, что упрямого старика бесполезно отговаривать, молча наблюдал за опустошением хранилища. Внезапно англичанин будто натолкнулся на невидимое препятствие и замер в глубине шкафа, скрытый до поясницы дверцами и стенками.

– Мистер Стерлинг... Что-то случилось? – Святой подошел поближе.

Старик не отвечал, что-то рассматривая в сумрачных недрах громоздкого шкафа. Наконец он зашевелился, громко чихнул, наглотавшись пыли, и с величайшей предосторожностью извлек парадный мундир оливкового цвета. Встряхнув френч, Стерлинг развернул его лицевой стороной к Святому. Под левым карманом пестрел прямоугольник орденовских колодок. Англичанин расстегнул потемневшие латунные пуговицы, снял мундир с плечиков, бережно уложил на стул. Под оливковым френчем скрывался полиэтиленовый мешок, которым обычно заботливые хозяйки укрывают шубы от моли. Подрагивающими руками, выдающими волнение, старик снял шуршащий мешок. Внутри него оказалась неказистая, выгоревшая на солнце роба, сменившая окраску хаки на почти белую. Куртка напоминала Святому «афганку» – полевую форму одежды в российской армии. Он коснулся выбеленной солнцем и потом ткани, понимая, что прикасается к истории.

Заштопанная в нескольких местах широкими мужскими стежками, куртка явно побывала не в одной передрыге. Судя по отношению хозяина – Стерлинг смотрел на нее затуманенными воспоминаниями глазами, игнорируя парадный мундир с пестрыми ленточками регалий, – эта истрепанная одежда давно стала реликвией.

На правом боку Святой разглядел застиранное бурое пятно, оставленное кровью. Вспоротая, по-видимому, осколком ткань была зашита черными суровыми нитками. Точно так же пришит поблекший нарукавный шеврон: орел, заключенный в круг, распростер крылья над автоматом «томпсон» – оружием британских парашютистов, а внизу под ним композицию дополняли два вертикально стоящих снаряда. Над кругом располагалась дуга, составленная из букв, идущих вслед за одной-единственной цифрой.

Святой бережно подхватил рукав куртки, переместив ладонь под шеврон. Напрягая зрение, он прочитал вслух:

– «Намбер уан Лонг Рэйндж Демолушн Скуадрон...» Номер один Истребительный отряд дальнего действия. – Святой машинально перевел надпись на русский язык.

Читая немой вопрос в глазах своего молодого собеседника, Стерлинг аккуратно сложил куртку, жестом попросил следовать за ним. Перейдя в комнату, служившую гостиной, он приоткрыл жалюзи, придвинул плетеное кресло к круглому столу, на который выставил пузатую бутылку. Нарушая железный распорядок – до ужина англичанин не брал в рот крепких напитков, – Стерлинг разлил коньяк, но вопреки обыкновению не стал дегустировать, а выпил в русском стиле, одним глотком.

Откинувшись на спинку кресла, старик уперся взглядом в потолок. Выдержав паузу, он заговорил:

– Знаешь, как по ночам холодно в пустыне?! Холод пронизывает до костей даже под шерстяным одеялом... Я оказался в Египте после рождественских праздников, в самом начале сорок второго года. Зеленый, необстрелянный юнец, воображавший войну романтическим приключением с погонями и перестрелкой. – Стерлинг пригубил коньяк. – Наше положение было паршивым. Мы, попросту говоря, драпали, как перетрусившие крысы, и гибли под гусеницами германских танковых дивизий...

Любимец Гитлера, командующий Африканским корпусом генерал Роммель, чехвостили наши войска в хвост и в гриву. Его танки рвались через Ливийскую пустыню в глубь Египта,

намереваясь затем пробиться через Палестину в Ирак, куда шли на соединение немецкие армии, захватившие Северный Кавказ и юг России.

Пальцы Стерлинга вычерчивали схемы, направления ударов, разорванные немцами оборонительные линии. Со стороны он мог показаться безумным художником, воплощающим на поверхности стола свои буйные фантазии.

– Мы испытывали панический страх перед Роммелем. Солдаты запугивали друг друга легендами о Лисе Пустыни, танки которого появлялись внезапно и неуклонно выполняли намеченное, а когда отходили, по сторонам дороги, прикрывая их, стояли эти ужасные пушки восемьдесят восьмого калибра! Низкие, отлично замаскированные среди барханов за сухими кустами, они прошивали снарядами броню наших танков, как лист бумаги. Танки горели, словно спичечные коробки! – Стерлинг передернул плечами, взволнованный воспоминаниями.

Завороженный рассказом, Святой не перебивал, представляя пустыню, кровь на песке, обжаты пламенем машины, атакующих солдат.

Старик опустил голову и, казалось, задремал, но его ладонь разглаживала нарукавный шеврон хлопчатобумажной куртки, которую он держал на коленях.

– Там, в Египте, я стал солдатом самого удивительного подразделения Второй мировой войны – Частной армии Попского, истребительного отряда номер один!

Стерлинг усмехнулся, поднял бокал:

– Выпьем, Дмитрий, за моего командира, самого потрясающего человека, с которым мне приходилось встречаться! За Александра Пенякова. – Фамилию он произнес с чистейшим русским произношением.

Святой поддержал тост. Пригубив коньяк, он приготовился слушать дальше, предчувствуя что-то необычное.

Англичанин говорил медленно, тщательно подбирая слова:

– Я познакомился с Александром в Кабрите, провинциальном городишке, провонявшем верблюжьей мочой. Меня направило туда командование. Какой-то бельгиец российского происхождения захотел прижать хвост Лису Пустыни и просил поддержки при формировании добровольческого отряда. Сведения о Пенякове имелись самые скудные: после революции его родители бежали из России, осели в Бельгии. К середине тридцатых годов Александр переехал в Египет, купив там плантацию сахарного тростника. Когда немцы вторглись в Египет, добровольцем вступил в британскую армию. Настоящий сорвиголова! Отчаянно смелый, с фантазией, он был прирожденным командос! Талантов Александру было не занимать! – Стерлинг, отбросив английскую сдержанность, не скрывал своего восхищения. – Командование дало согласие на создание небольшого мобильного диверсионного отряда. К моему прибытию Александр уже набрал одиннадцать арабов, отлично знающих местность, храбрых и преданных ему лично. Я стал тринадцатым солдатом Частной армии Попского.

Мы отличились в первых же рейдах. О нас заговорили повсюду: в штабах, в офицерских ресторанах Каира, в солдатских палатках. Но фамилия Пеняков труднопроизносима для англичанина. Радиотелеграфисты упрощали ее, говоря: «Попский». Официально отряд именовался, как указано на шевроне, – Номер один Истребительный отряд дальнего действия. Вскоре полковник Хаккет из Ставки главнокомандующих британских войск на Ближнем Востоке в шутку назвал наш отряд Частной армией Попского. С легкой руки полковника название прижилось, и даже командование его приняло.

Святой заметил:

– Лихой был командир, если отряд Частной армией окрестили.

Стерлинг охотно согласился:

– Чертовски храбрый! Арабы Александра боготворили, и я старался не отставать. При проведении одной акции к югу от Марета швабы накрыли нас с воздуха. Четыре джипа уни-

чтожили, но мы чудом избежали смерти. Мы прошли по пустыне двести километров, питаюсь змеями и кожей собственных ремней, делаю в день по пять глотков воды, которой катастрофически не хватало. Командир экономил на себе, делал только три глотка. Нас записали в мертвецы. Готовили приказ о посмертном награждении. А мы, стиснув зубы, шли за командиром по раскаленной каменистой пустыне и верили ему. Когда мы вышли к кочевью бедуинов, то походили на вылезшие из саркофагов мумии. Кожа да кости, ни фунта мяса. – Англичанин расхохотался. – Мы отплатили швабам звонкой монетой. Двадцать рейсов за линию фронта, сто пятнадцать самолетов, уничтоженных на полевых аэродромах! Александр придумал гениальную тактику молниеносного удара. Он приказал снять с джипов все ненужное и заменить на канистры с водой и бензином, ящики с патронами и взрывчатыми веществами. На каждый джип установили по два пулемета, позаимствованных у «Гладиаторов»¹. Езда на автомобиле с рессорами, жесткими, как камень, по бездорожью при температуре пятьдесят градусов – настоящий кошмар! Главное – уберечь ноги, не разбить колени о края ящиков. Обычно мы атаковали ночью, не давая немцам сориентироваться в количестве нападающих. Потом быстро уходили в пустыню. Роммель назначил за голову Александра высокую цену – Железный крест, кирпич рейхсмарок и отпуск в фатерлянд... – Старик снова залился раскатистым смехом. – Командир бредил мечтой – снять шкуру с Лиса Пустыни. Мы готовили налет на штаб фельдмаршала, ставили магнитные мины под носом у немцев. Но не судьба!.. В мае сорок третьего африканский корпус капитулировал, а нас перебросили в Италию. Частная армия Попского полным составом на шести джипах высадилась в порту Таренто.

– Пеняков дожил до конца войны?

– Последние месяцы были для Александра неудачными. Он подорвался на mine уже после капитуляции немцев. Противотанковый фугас взорвался под правым передним колесом джипа. Обидно погибать в конце войны.

– Погибать всегда довольно-таки паршиво! – невесело усмехнулся Святой, гася горечь своих воспоминаний доброй порцией коньяку.

Стерлинг в знак согласия склонил почти лысую голову со смешным венчиком седых волос, сохранившихся на висках и затылке. Помолчав – паузы в разговоре становились все продолжительнее, и Святой подумал, что не следует позволять старику пить слишком много, – он, словно подводя черту под разговором, сказал:

– Все, что ни делается, к лучшему! Нужно хотеть жить и уметь в нужный момент умереть. Вы, русские, люди крайностей. Любите действовать, как у вас говорится, на полную катушку. Я не представляю Александра тихим стариканом, играющим в гольф или пишущим героические мемуары. Это у нас, англичан, холодная, как воды Темзы, медленно текущая по венам кровь. А у него под кожей струилась вулканическая лава. В послевоенном мире Александр свихнулся бы от скуки. Снова растить сахарный тростник или проводить вечера за партией в бридж... – Стерлинг скривил рот в саркастической улыбке. – Нет!.. Он умер командиром своей Частной армии. И до сих пор мне его чертовски не хватает!

В глазах старого англичанина предательски блеснула влага. Пальцы мяли ткань куртки. Подбородок клонился к груди.

«Удивительно устроен человек... – размышлял Святой. – Всего у него в достатке: процветающий бизнес, обеспеченная достойная старость, всеобщее уважение, безоблачное небо над головой, а тоскует по военным временам. Может, потому, что тогда он был нужен? Страдал, умирал от жажды в раскаленных песках Ливийской пустыни, недосыпал, стрелял во врага и сам боялся быть убитым, но жизнь его имела смысл, радовала победами и была настоящей. А сейчас она похожа на надоевший леденец – вроде бы сладко, но удовольствия все меньше и меньше. Так и со мной... Наконец-то достиг относительного спокойствия. Причалил к рай-

¹ «Гладиатор» – тип британского истребителя.

скому берегу. Живу благодаря сентиментальной привязанности старика, как у Бога за пазухой, а на душе тошно. Что ж, такое состояние, наверное, типично для изгнанника, бежавшего из страны с поддельным паспортом. Но я вернусь. Я обязательно вернусь!» – повторял про себя Святой, не подозревая, что смутное желание уже начало осуществляться, что уже выстраивается цепь событий, первым звеном которой стало знакомство со старым англичанином.

В разгар сезона виллу Стерлинга арендовал новый клиент. Супружеская чета из России заблаговременно предупредила о своем приезде, прислав уведомление по факсу. Приняв сообщение, англичанин поспешил обрадовать Святого:

– Скоро познакомишься с русским Рокфеллером. Это правда, что все ваши бизнесмены связаны с мафией?

– Нет, просто в России сложно разобраться, кто бизнесмен, а кто мафиози, – с верой в правоту своих слов ответил Святой.

Клиент и впрямь наклеывался знатный.

Сведения о Платоне Петровиче Бодровском Святой почерпнул из средств массовой информации. Промышленный магнат, удачливый финансист, ловкий делец, проворачивающий многомиллионные сделки, он сколотил поражающую воображение империю. Ее становым хребтом были предприятия добывающей промышленности, ряд горно-обогатительных заводов, нефтяные месторождения в Тюмени и комбинаты по переработке черного золота, терминалы в черноморских портах и приписанные к ним нефтеналивные танкеры. Свои владения, как и положено императору, господин Бодровский постоянно расширял, прикупая то банк, то очередной завод.

Если верить газетным сплетням, на политической сцене Платон Петрович придерживался народной мудрости: «всем сестрам по серьгам». Он подкармливал самые различные партии и движения, никому не отдавая предпочтения. Хитроумная тактика приносила плоды.

Партийный вожь, обожающий поливать противников соком и тягать женщин за волосы, называл Бодровского патриотом, лидеры движений, близких к власти, – настоящим русским пахарем, пекущимся о возрождении большой экономики, а коммунисты, по крайней мере, не гавкали, воздерживаясь от полива грязью конкретно Бодровского. Журналисты писали о нем почти исключительно в превосходных тонах, утверждая, что этот одаренный от природы человек прошел жестокую школу жизни, сумев подняться из низов на вершины предпринимательского Олимпа. Но вообще-то Бодровский старался не мелькать на телевизионных экранах, редко давал интервью, держался в тени. Частную жизнь он оберегал от посторонних глаз, вплоть до конфликтов с прессой.

Святой припомнил скандал, когда телохранители Бодровского разбили об асфальт фотоаппаратуру назойливого корреспондента, проникшего в загородную резиденцию магната. На память ему пришла еще какая-то темная история, случившаяся с Бодровским-младшим, но подробностей он вспомнить не смог.

Святого слегка удивлял выбор миллионером места для отдыха. Обычно толстосумы предпочитали престижные курорты вроде Ривьеры, Капри или, на худой конец, Римини, куда они слетались, как мухи на мед. Там серьезные люди, совмещая полезное с приятным, заключали не подлежащие огласке контракты, делили сферы влияния, а их жены щеголяли друг перед другом в новых нарядах от кутюрье, бриллиантовыми колье и золотистым загаром. Они снимали виллы или апартаменты, где раньше отдыхали графы, князья и прочие представители титулованной знати, чтобы затем, вернувшись домой, в страну, где эту самую аристократию вырубили под корень, похвастаться ночами, проведенными на ложе под балдахином, расшитым семейными гербами.

Впрочем, вилла мистера Стерлинга, внесенная в престижный туристический каталог, котиновалась достаточно высоко. Построенное по индивидуальному проекту здание стояло на

обращенном к заливу склоне. Заботливо ухоженные сад и цветники, терраса, ведущая к морю, бассейн с мозаичным полом – все отвечало самым изысканным вкусам.

К приезду гостей виллу убрали, надраив даже краны ванн до зеркального блеска. Стерлинг лично проинспектировал комнаты, проверил работу кондиционеров, осмотрел каждый закуток и остался доволен достигнутым образцовым порядком.

Бодровский прибыл из аэропорта точно в указанное время. Черный лимузин, взятый напрокат вместе с одетым в униформу шофером, шурша шинами по гравию дорожки, въехал в распахнутые решетчатые ворота.

Обслуживающий персонал: кухарка, горничные встречали временного хозяина, выстроившись на нижней ступеньке лестницы парадного входа. Отдельно от них, соблюдая дистанцию, стоял англичанин, за спиной которого маячил Святой. Чуть наклонив корпус, старик просеменил по дорожке к лимузину. Он протянул руку, церемонно произнося:

– Мистер Бодровский, рад вас приветствовать в Сан-Стефано-дель-Сантино!

Кряжистый мужчина с фигурой, испорченной животом, нависавшим над брючным ремнем, сдержанно улыбнулся, подавая широкую, словно лопата, ладонь:

– Простите, я слабо владею английским...

Настал черед Святого. Он быстро шагнул вперед, встав плечом к плечу со стариком:

– Мистер Стерлинг счастлив вас видеть!

Отдав дань вежливости, Святой собрался было вернуться на прежнюю позицию, но магнат опередил его. Буравя Святого взглядом цепких стальных глаз с желтыми прожилками, сигнализирующими о проблемах со здоровьем, он отрекомендовался:

– Платон Петрович Бодровский... Промышленник!..

«Промышленник? Скромно, но значительно», – оценил Святой, одновременно пожимая крепкую ладонь гостя.

– Не ожидал встретить соотечественника. Вы что же, компаньоны с мистером Стерлингом? – неприятно властным тоном спросил Бодровский.

– Всего лишь помощник. Зовите меня просто Дмитрием. – Святой отступил за спину англичанина.

Отсюда он рассмотрел спутников Бодровского. Их было двое: смиренно молчавшая женщина и молодой накачанный парень, беспрестанно вертевший коротко стриженной головой.

Супруга Бодровского, одетая с яркой, безвкусно кричащей роскошью, не соответствующей ее возрасту, походила на курицу в перьях колибри. Ее лицо напоминало маску марионетки: густо накрашенные губы с опущенными к подбородку уголками, удлиненный клювообразный нос, придававший лицу выражение печали, невыразительные потухшие глаза. Выйдя из машины, она немедленно закурила, выпуская дым через ноздри.

– Ольга Григорьевна... – Кислая, вымученная улыбка скривила ее малосимпатичную физиономию.

Телохранитель назвался Толей. Физические данные у парня были неплохими. Широкая грудная клетка, бугрившиеся литые бицепсы, массивная шея и тяжелая нижняя челюсть. Он усердно изображал высшую степень озабоченности, зыркая по сторонам прищуренными глазами, тяжело топтался возле хозяина, но его взгляд предательски уплывал к загорелым стройным ножкам молоденькой горничной, нанятой обслуживать гостей.

«Кабанчик! – усмехнулся про себя Святой. – Выдрессировали в какой-нибудь охранной фирме, может, на стажировку в Штаты свозили, а потом продали втридорога с лучшими рекомендациями Бодровскому. Демонстрирует собачью преданность, но толку от него, как от оголодного пугала. Годится только, чтобы уличных бандитов бицепсами отпугивать. Но не стоит задевать самолюбие мальчика. Пускай мнит себя начальником императорской гвардии».

Святой не корчил из себя гордеца. Споро подхватив кожаный чемодан, выставленный вопреки на солнцепеке шофером, он направился в дом, но был остановлен раздраженным окриком Бодровского:

– Вы носильщик или переводчик? За что вам деньги платят?

Святой остановился, роняя чемодан:

– Я?!

– Запомните, персонал действует по моему распоряжению. Запомните и переведите остальным! – рокотал басом Бодровский.

Уловив раздраженную интонацию постояльца, Стерлинг попытался разрядить конфликтную ситуацию, пригласив приехавших осмотреть сад, насладиться великолепной лазурной линией горизонта. Вышколенные горничные испарились.

Призвав на помощь все свое самообладание, Святой ровным голосом произнес:

– Мы не в России, господин Бодровский, и вы не удельный помещик, распоряжающийся крепостными. Будьте чуточку повежливее.

Огорошенный неожиданной отповедью, финансовый воротила, привыкший к беспрекословному подчинению, запыхтел от натуги, раздувшись, как индюк в брачный период. Его брюшко заколыхалось, будто он собирался заняться чревоущанием. Лоснящиеся, гладко выбритые щеки Бодровского обрели багровый оттенок.

«Ух, как тебя развезло! – немного злорадствуя, подумал Святой. – Приучила поганая российская действительность людей ни в грош не ставить. Учись, господин Денежный мешок, уважать права личности. В чужой монастырь со своим уставом не суются!»

Чем дальше, тем комичнее становилась сцена.

Деликатный англичанин, скроив озабоченную физиономию, разглядывал безоблачное небо. Супруга Бодровского в знак солидарности с мужем астматически дышала, не находя слов. Шофер лимузина, смуглолицый итальянец, полировал платком лакированный козырек форменной фуражки.

– Парень, ты и борзеешь...

Московский говорок резанул ухо Святого.

«Кабанчик решил порезвиться», – понял он.

В телохранителе прорезалось чувство долга. Насупившись, Толя жонглировал буграми мышц, при этом цедил слова на приклатненный манер, через выдвинутую нижнюю губу:

– ...и рога в загранке выросли?

Желваки величиной с грецкий орех играли на скулах раздухарившегося охранника, подбадриваемого молчанием шефа.

Он подошел к Святому, ткнул ему пальцем в грудь, а другую руку положил на плечо.

– Приятель, не в службу, а в дружбу убери свою конечность, – миролюбиво, но вместе с тем интонацией предупреждая о возможных последствиях, попросил Святой.

Шея телохранителя начала набухать, точно пожарный брандспойт под напором воды, глаза округлились.

«Какие халтурщики таких олухов готовят? Стоит раскорячившись, корпус открыт, бей – не хочу. Подкачали парня на тренажерах, азам рукопашного боя подучили, а настоящей техники, по-видимому, нет. Ситуацией не владеет. Глоткой берет».

Желание проучить наглого выскочки становилось непреодолимым. Охамевший молодец, подбадриваемый молчаливым невмешательством Бодровского, дернул Святого за ворот рубашки:

– Надо попросить прощения у Платона Петровича!

Пуговицы, вырванные с мясом, отлетев горошинами, сгинули в траве.

– Ты, парень, не выкальвайся! Тебе бабки за услуги платят... – Ребром ладони охранник постукивал по предплечью Святого.

Назревала драка. Но омрачать приезд гостей банальным мордобоем Святой не желал. Однако спускать на тормозах жлобские выходки лощеного кабанчика он тоже не мог.

– Анатолий, я умоляю, не навредите молодому человеку! – пискнула супруга промышленника, водружая на длинный нос солнцезащитные очки.

– Будьте спокойны, Ольга Григорьевна! – с улыбкой от уха до уха ответил телохранитель.

Коротким, как выстрел, взглядом Святой извинился перед стариком. Его жесткие, словно стальные прутья, пальцы нажали на болевые точки у подмышки и на шее телохранителя. Древнее искусство «жалящего прикосновения», переданное Святому одним степным мудрецом, кочевавшим в забайкальских просторах, было бескровным, но безжалостным способом укрощения самого свирепого противника.

Улыбка застыла на лице охранника, брови изогнулись дугой, поднявшись чуть ли не к макушке, руки беспомощными плетями свесились по бокам, а из уголков рта двумя ровными струйками потекла слюна. Телохранитель нечто промычал голосом обреченного на заклятие животного. Сделал три шатких шага к лимузину.

– Что... что происходит? – истерически завизжала супруга миллионера.

Сам Бодровский, будто под гипнозом, наблюдал за маневрами несчастного охранника, а тот, парализованный почти неприметными прикосновениями, продолжал вытанцовывать заплетающимися ногами сумасшедший кордебалет. Мокрыми вывернутыми губами Анатолий издавал нечленораздельные звуки, сопровождая невнятицу фонтаном брызг слюны.

«Теряю навыки. Обленился... – Огорчению Святого не было предела. – Учитель, старина Ульча, был бы очень недоволен. Нечисто кабанчика обработал. Теперь боль идет по позвоночному столбу к головному мозгу. Верхние точки не дождал. Бедолага Толик, сочувствую, но извини, практики не было».

Высший пилотаж жалящего прикосновения состоял в мгновенном отключении сознания человека. Импульсы, посланные одновременно разными болевыми точками, достигали мозга, срабатывающего по принципу предохранительных пробок электросети. Чтобы не допустить разрушения всей системы, то есть организма, мозг отключался на время, принимая удар на себя. Но с телохранителем получилось так, что импульс из нижних точек опередил болевое послание верхних. Одна волна догоняла другую, а обманутый мозг охранника пытался сопротивляться.

Видимая сторона представления была очень эффектной. Здоровый парень за сотую долю секунды превратился в позеленевшего от страха зомби с нарушенной координацией движений. Казалось, кто-то невидимый, затолкав кляп в рот телохранителя, препарирует его суставы и выворачивает ребра. Глаза Анатолия излучали суеверный ужас первобытного человека, подвергнутого нападению потусторонних сил.

Согнувшись крюком, он постоял, опираясь на капот лимузина обеими руками. Остолбеневший шофер смотрел, как на капоте за считанные секунды образовалось озеро слюны. Затем телохранителя будто вышвырнуло из катапульты. Совершив прыжок через голову, он грохнулся спиной все на тот же капот арендованного лимузина, засучил ногами, словно эпилептик на пике припадка, и, перевернувшись на бок, скатился под колеса на гравийную дорожку.

Жена Бодровского, посинев от удушья, сдавленно сипела:

– Сделайте что-нибудь!

А вот реакция магната была примечательной. Он наблюдал за конвульсивными подергиваниями телохранителя с холодным интересом римского патриция, созерцающего смерть гладиатора на арене Колизея. Поджатые губы Бодровского таили в себе ухмылку.

Между тем мучения бедолаги достигли вершины. Загребая, как пловец, гравий руками, полупарализованный крепыш подполз к колесу. Чтобы заглушить вопли, рвущиеся из глотки, телохранитель раскрыл рот и всеми зубами впился в покрытую дорожной пылью резину.

Только ноги охранника продолжали выбивать чечетку, тело же сантиметр за сантиметром превращалось в кусок неподвижной плоти.

Святой облегчил страдания недавнего противника. Подбежав как раз в тот момент, когда охранник начал пережевывать резину колеса, он, нащупав затылочную впадину, резко вдавил в ее середину свой палец.

Приняв позу внутриутробного эмбриона, телохранитель замер, а меловая с прозеленью бледность на лице сменилась нежно-розовым цветом.

Святой проверил пульс наказанного. Мерные толчки на запястье возвращались к норме.

– Боже, у Анатолия припадок? Я ведь предупреждала, что перед поездкой следует пройти всестороннее обследование! – шмыгала носом подбежавшая женщина.

Приподняв веки охранника, Святой успокаивающе солгал:

– Легкий солнечный удар. Перегрелся. Отлежится в прохладе, ледик на лбу подержит, холодненького попьет и будет снова как огурчик. То-то я смотрю, очень агрессивный у вас телохранитель. Просто терминатор, взбесившийся робокоп.

Телохранителя перенесли в дом, уложив под дарующим прохладу кондиционером. Госпожа Бодровская приняла горсть успокоительных таблеток, запив их апельсиновым джусом, а ее муж, заказав чашку кофе со сливками, устроился за столиком на открытой террасе у бассейна.

– Дмитрий!

Временный владелец виллы сидел в плетеном из лозы кресле. Необходимый набор современного делового человека – сотовый телефон, электронный органайзер, ворох газет – громоздился на столе.

– Дмитрий, присаживайтесь! – Бодровский старался казаться радушным хозяином, словно не было никакой потасовки и его охранник не лежит пластом, закатив глаза.

– Спасибо! – Святой принял предложение, несмотря на зародившееся в нем предубеждение против чванливого промышленника.

– Коньяк, джин, виски? – Бодровский был сама любезность.

– Извините, но я перенял стиль мистера Стерлинга – наслаждаться алкоголем только в вечернее время.

Ощупав крупную лобастую голову, Платон Петрович хмыкнул то ли одобрительно, то ли недоверчиво:

– Не свойственные русскому человеку привычки усваиваете. Значит, вы англофил? Предпочитаете английскую сдержанность, размеренность и традиции.

– Стараюсь придерживаться избранного стиля, – с вызовом ответил Святой, не понимая, чего добивается этот вальяжно развалившийся в кресле толстосум, выложивший за аренду виллы сумму, равную годовой заработной плате коллектива рабочих среднего по масштабам предприятия.

На сей раз Бодровский был непробиваем: никакого раздражения, никакого высокомерия. Ровный, чуть ироничный тон праведного мудреца, давно отошедшего от мирских хлопот. Вот только ледяные искорки в зрачках выдавали натуру дельца, привыкшего руководствоваться холодным расчетом, а не порывами души.

– Давно в Италии? Бежали из нищего Отечества в поисках лучшей доли? Не осуждаю... Рыба ищет где глубже, человек – где лучше! – Он поднял обе руки.

«Попробовал бы осудить. Не такие ли, как ты, Отечество и разграбили, пустив по миру миллионы работяг, стариков-пенсионеров? Откуда капитал? С неба свалился? – мысленно огрызнулся Святой. – Сколько бюджетных средств к себе в карман переправил! Мнишь себя хозяином жизни...»

Любознательность Платона Петровича не знала предела. Он так и сыпал вопросами, пытаясь вытянуть из Святого что-нибудь существенное.

– Вы где умению ломать людей овладели? В школах восточных единоборств или частях спецназначения? – покружив вокруг да около, подошел к главному промышленник.

– Простите? – Святой изобразил непонимание во взгляде.

Отодвинув пухлой рукой предметы, занимавшие стол, Бодровский навалился грудью на край, приблизившись таким образом к собеседнику. Перейдя на заговорщицкий шепоток, он повторил:

– Убивать голыми руками где научились?

– Но ведь никто не погиб.

– Только благодаря вашей доброй воле. Неужели я похож на слепого?

В белках выпученных глаз магната отразилась лазурная вода бассейна. Он поймал запястье Святого, повернул, как заправский хиромант, словно собирался изучить на его руке линию судьбы.

– А руки-то у вас бойцовские. Шрамы на ребрах ладони, на костяшках мозоли. Не теряете форму! Тренируетесь! У меня, Дмитрий, глаз наметан. Всякого на своем веку повидал. Вы человек совершенно особого рода занятий, это очевидно. Бедный Анатолий слишком юн и задирист. Сосунок! Не разобрался... Но я-то видел, как вы двигаетесь походкой хищника. Я видел ваши пальцы... – спокойно, без нажима говорил Бодровский, заглядывая в глаза Святому.

Льдинки в колодцах зрачков финансового воротилы внезапно растворились, сменившись пляшущими язычками пламени безумия, то гаснущими, то вспыхивающими.

Осторожно освободив запястье, Святой тряхнул рукой, как бы сбрасывая назойливое насекомое.

«А у туза вроде крыша едет! – почти сочувственно подумал он. – Чуть ли не профессиональное заболевание бизнесменов! Параноидальная шизофрения и импотенция – бич деловых людей. Так, по крайней мере, пишут газеты».

Пресекая дальнейшие расспросы, Святой поднялся из-за стола. Без враждебности, но достаточно твердо он сказал:

– Господин Бодровский, опустим подробности моей биографии. Она заурядна...

Магнат недоверчиво хмыкнул, – мол, меня не проведешь.

– Я живу сегодняшним днем, как в песне: «Есть только миг, за него и держись...» Прошлого предпочитаю не ворошить, а исповедуюсь, так сказать, выворачиваю душу только перед Богом да перед совестью и больше ни перед кем! Надеюсь, я дал исчерпывающее объяснение?

Святой смерил взглядом развалившегося в кресле толстосума. Платон Петрович, допив кофе, опрокинул вверх дном чашку на блюдце. Теперь он изучал разводы кофейной гущи, причудливым узором осевшей на стенках.

– Пусть прошлое хоронит своих мертвецов, – загадочная фраза сорвалась с болезненно искривленных губ магната.

Беседа оставила неприятный осадок, но вскоре Святой позабыл о ней. Супружеская чета из России вела себя вполне демократично, целыми днями прогуливаясь по живописным окрестностям, купалась в море, делала покупки.

Приставленный к Бодровским гидом, Святой выполнял роль переводчика. Лингвистические способности Платона Петровича ограничивались словами типа «о'кей» и «сэнк'ю». Впрочем, для общения у него имелось универсальное средство – стопка банкнот крупного достоинства и длинная, точно пулеметная лента, обойма пластиковых карт. Заходя в дорожной бутик, Бодровский доставал бумажник, раскладывал свой патронаж, вытягивал из кармана «Мастеркарт платиниум» или «Диннер клуб голд», и продавцы буквально стелились перед клиентом, облизывая его умильно-преданными глазами.

Бодровский не отпускал от себя Святого ни на шаг. Под разными благовидными предлогами он старался держать его рядом и в конце концов заявил мистеру Стерлингу, что готов

внести в контракт отдельную строку, предусматривающую выплату приличной суммы гиду-переводчику.

Про себя Святой решил вложить весь заработок до копейки в кассу фирмы своего ангела-хранителя, сентиментального Дэвида Стерлинга, приютившего изгнанника.

Постепенно Святой как бы притерся к богатой супружеской паре. Их развлечения были однообразны и скучны, но временами забавны. Ольга Григорьевна, казавшаяся простушкой, на которую пролился золотой дождь, могла отчубучить хохму похлестче любого юмориста. Причем не благодаря таланту смешить, а из-за дремучей необразованности. Узнав от Святого, что император Нерон обожал гонять на квадригах – колесницах, запряженных четверкой скакунов, Бодровская, наморщив свой уникальный по длине нос, выдала:

– Четверка лошадей?! Неужели этот самый Нерон не мог купить приличную машину? Ну, пускай не «Мерседес», так хотя бы «Вольво». Катался бы сколько душе угодно. Не мучил бы бедных лошадок... И подушки безопасности в машине есть. Все надежнее.

Услышав тираду, Святой принял ее за плоскую шутку. Иначе отреагировал супруг. Бросив на жену испепеляющий взгляд, Платон Петрович прорычал:

– Держи рот на замке! Как была безмозглой насадкой, так и осталась!

У Святого сложилось впечатление, что супруга магната была в общем-то женщиной доброй и простой, вовсе не светской львицей, привыкшей с детства купаться в роскоши. За долгие годы совместной жизни Ольга Григорьевна превратилась для мужа в предмет привычной обстановки.

– Любовницы должны быть молодыми, а жены пусть стареют вместе с нами, – так однажды выразился Платон Петрович, откровенничая под пляжным зонтиком.

Самый большой выигрыш от знакомства со Святым получил, как ни странно, мордастый телохранитель. Оклемавшийся Анатолий был отправлен во временный отпуск и исполнял лишь мелкие поручения. К Святому он относился с плохо замаскированным суеверным ужасом, старался обходить его стороной и не раздражать понапрасну.

Вскоре хорошо сложенный крепыш завел знакомства с длинноногими загорелыми красотками, которыми кишел пляж. Молодость переборола чувство долга. Уж больно хороши были блондинистые шведки с кожей медового цвета, раскованные немки, загорающие без верхней части купальника, и прочие представительницы прекрасного пола. Бодровский не мешал телохранителю ухлестывать за девушками, заменив глуповатого молодчика на немногословного надежного мужчину.

– Вы, Платон Петрович, классно людей к рукам прибираете! Вон и на мои плечи функции вашей сторожевой собаки переложили, – с долей истины в шутке сказал Святой после уличного инцидента.

Парнишка на мотороллере, вынырнув из подворотни, сорвал с плеча прогуливающейся по старому городу госпожи Бодровской сумочку из крокодиловой кожи стоимостью в полторы тысячи долларов. Лари, так называют на Апеннинах моторизованных разбойников, поддав газку, скрылся в узкой улочке. Потерявшая равновесие Ольга Григорьевна шлепнулась на мягкое место и зашлась в истерическом визге. Потеря была небольшой, полторы штуки не деньги для русского миллионера, но быть по-наглomu обворованным крайне неприятно и для богача, и для нищего. Платон Петрович бросился поднимать жену, призывая зевак вызвать полицию. А Святой, досконально изучивший кружево улочек, тупичков, переходов старого города, скрылся под аркой средневекового домика и помчался прямо в противоположную сторону от направления, в котором унесся воришка на мотороллере.

Попетляв, Святой добрался до узкой расщелины между стенами двух зданий, уже гудевшей от тархтения мотороллера приближающегося лари. Расставив для устойчивости ноги, Святой выпрямил правую руку. Паренек так и не понял, что за адская сила подняла его за воротник куртки. Мотороллер, словно взбесившийся конь, умчался дальше без седока. Отве-

сив затрепину, Святой поставил воришку на землю, забрал украденное и молча зашагал по брусчатке проулка.

Расчувствовавшаяся Ольга Григорьевна, обрадованная не столько возвращением сумочки, сколько торжеством справедливости, чмокнула его в щеку, восторженно взвизгнув:

– Вы настоящий супермен!

– Будете сорить деньгами, вам понадобится взвод суперменов. Слишком много нечисти развелось в Сан-Стефано. Курортники отдыхают, а уголовники работают... Вы самая видная пара в городке. Торговцы поговаривают о русском шейхе, покупающем самый эксклюзивный товар. У бандитской сволоты, знаете, обостренный слух. Их уши улавливают информацию о богатеньких путешественниках не хуже пеленгаторов, – провидчески предупредил Святой.

Траты Бодровских были астрономическими. Европейцы с всосанным в них врожденным принципом бережливости в подметки не годились супружеской чете из России. Стерлинг только ахал, узнав об очередной покупке:

– Соболя шуба от итальянских модельеров! За двадцать две тысячи долларов! Но вчера господин Бодровский приобрел жене коктейльное платье от Армани и выкупил запасы коньяка «Хенесси Парадиз» из винного погреба ресторана синьора Бертино!

– Транжируют богатство. Живут в России, как на пороховой бочке, боясь новой революции и передела собственности. У нас так: сегодня князь – завтра грязь и наоборот, – делился своей точкой зрения Святой.

– Какое расточительство! Деньги надо вкладывать в бизнес и лишь изредка приобретать роскошную вещь... – После паузы англичанин добавил: – Лучше на распродаже, когда дорогие магазины делают скидку, устанавливают разумные цены. Но мистер Бодровский... О... он думает, что завтра начнется ядерная война, и хочет все получить сегодня?

«Милый наивный старичок, воспитанный в благообразной Англии, где испокон веков оплачиваются усердный труд, честность, бережливость. Как тебе рассказать про страну, где вкалывающие до седьмого пота работяги не получают кровных денег, спиваясь с безнадеги, где главный аргумент конкуренции, двигателя предпринимательства и производства, – пуля в башке соперника, где реальная власть у главарей бандитских группировок, а не у пораженных немощью руководителей, намертво приросших задницами к чиновничьим креслам. Мудрено, старина, представить тебе перевернутый мир, встать с ног на голову! Да и ни к чему тебе это...»

Но в покупательской лихорадке Бодровских было нечто нездоровое, не объяснимое только тягой к роскоши и мотовству. Они словно пытались похоронить под горами шмотья и драгоценностей прошлое. Восполнить невозполнимую потерю.

Святой не раз замечал, как супруга промышленника отключается, выпив немного вина, как начинает дрожать ее нижняя челюсть, а вилка в ее руке маниакально крошит какой-нибудь деликатес, поданный на фарфоровой тарелке в респектабельном ресторане. Приступы хандры посещали и Платона Петровича, приказывавшего всем удалиться и оставить его в одиночестве. Из состояния депрессии Бодровский выходил быстро. Он связывался с Россией и отдавал лающим голосом распоряжения подчиненным:

– Скупайте государственные краткосрочные обязательства... играйте на понижение акций... зубами вырывайте контрольный пакет... зубами, иначе вам нечего будет ими пережевывать!..

Вспотевший, с взлохмаченными волосами, он выходил из кабинета, садился за столик на террасе. Горничная, усвоившая особенности поведения русского миллионера, рысью приносила свежеприготовленный кофе-эспрессо. Бодровский, обжигаясь, жадно глотал крепко заваренный напиток, бормоча под нос:

– Лучшее средство от безумия – это работа.

А Святой, уставший от причуд, психопатических срывов, непонятной привязанности гостя к его персоне, ждал, когда чета Бодровских и их тупорылый кабанчик-телохранитель уберутся восвояси.

Однако, прежде чем распрощаться с Апеннинским полуостровом, Платон Петрович сделал себе королевский подарок. Прервав уединенный отдых в Сан-Стефано-дель-Сантино, он навестил делового партнера, которому экспортировал варварски вырубаемый лес русского Севера. Договорившись об увеличении квот поставок древесины, они отметили контракт застольем и экскурсией по судовой верфи – дочернему предприятию, принадлежащему итальянскому лесопромышленнику. На верфях изготавливались яхты класса люкс, каюты которых отделывались карельской березой. Яхты, символ престижа, приобретали сильные мира сего – от арабских шейхов до американских мультимиллионеров.

Платон Петрович Бодровский остановил свой выбор на только что сошедшей со стапелей яхте «Свордфиш»². Судно строили по последнему слову моды, напичкав внутренности безотказной навигационной аппаратурой, системами связи, бытовыми приборами, обеспечивающими комфорт.

Итальянец уступил в цене, желая сделать приятное русскому другу. Лесопромышленник мог позволить себе чуточку великодушия. Первокласный лес, поставляемый фирмой Бодровского, окупал любые внеплановые расходы.

Платон Петрович подмахнул чек с семизначной цифрой. Яхта перешла в его собственность, а гектары заповедных лесных угодий были обречены на вырубку.

Подняв паруса, «Свордфиш» совершил первый морской переход, бросив якорь в водах залива Сан-Стефано.

Бодровский немедленно облачился в синий пиджак с вышитым золотым якорем на нагрудном кармане и капитанскую фуражку с крабом на околыше. С виллы Стерлинга они съехали, заплатив больше договоренного. Но связь со Святым чета не порвала.

По настойчивому приглашению новоиспеченного морехода Святой поднялся на борт судна.

– Взгляните, Дима! Вы только взгляните на интерьер кают. Проектировал сам Альдо Чичеро, знаменитейший итальянский дизайнер! – щебетала Ольга Григорьевна, немного бледнея от морской болезни.

«Еще одна дорогостоящая игрушка миллионера», – с горькой иронией думал Святой, заглядывая в блистающие великолепием каюты, похожие на уменьшенные номера пятизвездочного отеля.

Надо отдать должное – начинка рубки управления произвела на Святого сильное впечатление. Неравнодушный к технике, он на равных с Платоном Петровичем восторгался достижениями инженерной мысли.

– Вот цветной радар, практически безотказный, а вот автопилот «Робертсон» – задаете курс и идете ложиться спать. Отклонение сведено к минимуму. Автоматический лот замеряет глубину под килем с точностью до сантиметра! – по-детски радовался Бодровский.

– Знатная техника! – поддержал Святой.

Круглый экран радара мерцал голубым огнем.

– Предлагаю, Дмитрий, должность боцмана на моей посудине. Прошвырнемся по морским просторам, – шутливо предложил Бодровский.

– Я – сухопутная крыса. Потонете с таким боцманом.

– Не прибедайтесь! Вы мастер на все руки. Полистаете инструкции, проконсультируетесь у мистера Стерлинга – и вперед, к родным берегам. Навестите Родину!

Предложение прозвучало слишком неожиданно. Святой смущенно молчал.

² «Меч-рыба» (англ.).

– Соглашайтесь, не раздумывайте! Наберем команду. Нам потребуется еще один человек. Пополним запасы. Вы ведь рискованный парень! Пройдемся до какого-нибудь черноморского порта, Новороссийска, например. Обратный билет я, естественно, оплачу. Дополнительный гонорар тоже гарантирую.

Бодровский включил электронную карту. В стеклянном прямоугольнике появились контуры архипелагов, очертания проливов, береговых линий.

– Дима, что вам киснуть со стариком? Русской душе нужны просторы, авантюры. Затоскуете среди макаронников. Давайте под мое крыло... – Платон Петрович осекся, поняв, что перегибает палку.

– Вон как повернули? Под вашим началом служить сманиваете! Но да будет вам известно, уважаемый Платон Петрович, что я по горло сыт службой. А на чужие приказы у меня аллергия. Кулаки чесаться начинают. Кроме того, российские законы мне тесноваты. Недолгобливает меня правосудие, – с вызовом произнес Святой.

Повернувшись, он покинул рубку, предпочитая возиться с двигателем. Пока Святой осваивался в машинном отделении, Платон Петрович мерил шагами каюту. Он морщил лоб, покусывал губы, подставлял лицо под прохладную струю воздуха, выпускаемую бесшумно работающим кондиционером. Через равные промежутки времени Бодровский подходил к бару, доставал коньяк и сцеживал в стакан с широким дном несколько капель. Смочив горло, он снова принимался топтать ковер ручной работы, расстеленный на полу.

Смеркалось. Ночь фиолетовым плащом опускалась на Адриатику.

Лежащая на обтянутой шелком софе женщина нутно вздохнула, поднялась и опустила ноги, которые тут же утонули по щиколотку в ворсе ковра.

– Что ты мечешься? – Ольга Григорьевна выглядела разбитой. – У меня мигрень, а ты грохочешь, как слон! Господи, почему мне так мерзко и одиноко?

Платон Петрович раздраженно передернул плечами, будто за шиворот ему заполз лесной клещ.

– Не ной! Кажется, я нашел нужного человека. Чистильщика! Искал уединения, а нашел чистильщика. Воистину судьба сама берет тебя за руку и приводит в нужное место.

Худосочное тело Бодровской, похожее на сплюснутую камбалу, задрапированную тканью, дернулось. Женщина встала, взглянув мужу в глаза.

– Дмитрий? – побелевшими губами шепнула она.

– Да!

– Но ты ничего о нем не знаешь!

– Такие, как он, не тычут рекомендательными письмами, не приносят анкет и автобиографий. Он – профессионал по транспортировке людей на тот свет! Я нутром чую...

Ольга Григорьевна сжала ладонями виски. Ее гладко зачесанные волосы, собранные в пучок на затылке, взъерошились сами собой.

– Платон, откажись от бредовой идеи! Нашего мальчика не вернуть. Мы нагрели, не углядев за Ромой, и нам нести крест до гробовой доски. Рома – это наша расплата за обман, за ловкачество... – Женщина запнулась, не в силах справиться с волнением. – За богатство. Да, да, Платон, за богатство тоже надо платить! Мы пожертвовали сыном!

Руки магната легли на плечи жены. Под их тяжестью Ольга Григорьевна просела, сгибаясь в коленях и приняв позу кающейся грешницы. Мощный толчок опрокинул ее на софу.

Склонившись над женщиной, Бодровский прорычал перекошенным ртом:

– Истеричка! Ты смеешь меня обвинять? Меня, работавшего по двадцать часов в сутки! Ходившего по лезвию бритвы ради благополучия семьи! Рисковавшего угодить за решетку и сгнить в тюрьме! Я прятал тебя и Ромку, когда конкуренты взрывали мои автомобили, устраивали облавы, загоняя, словно волка, под выстрел. Я выстоял, переломил хребты врагам,

добился права ни от кого не зависеть. Но я остался без наследника!.. Понимаешь, мне некому передать дело! Что может быть больше?!

Ком, подкативший к горлу, мешал Бодровскому говорить. Он рухнул рядом с женой, спазматически хрипя от бешенства. Переборов приступ ярости, владелец яхты привлек к себе женщину, сгреб в охапку костлявое, скверно сложенное тело. Птичий нос Ольги Григорьевны уткнулся в грудь мужа. Она не смела перечить и лишь тихонько подвывала голосом побитой собачонки:

– Поступай по-своему, только Рому из могилы не поднять.

Ладонь Платона Петровича гладила волосы жены, похожие на мышиную шкурку, вторая рука утирала слезы, которые, смешавшись с косметикой, потоком стекали по щекам, капали на шелк софы, оставляя грязные пятна. В былые времена он применил бы другой метод успокоения – переспал бы с женой, искупая грубость лаской и страстью. Но теперь терзать тело супруги с выступающими ключицами и истонченной многочисленными омолаживающими подтяжками кожей было бесполезной затеей, не безопасной для здоровья обоих Бодровских.

Оставив на секунду жену, Платон Петрович наведалься в бар. Достал чистый стакан. Налил в него тройную, против обыкновения, порцию коньяку. Вернувшись к жене, он подхватил ее трясущийся подбородок, краем стакана разжал зубы и влил в нее лошадиную дозу «Хенесси Парадиз».

Ольга Григорьевна запрокинула голову на спинку софы и икнула. Приняв расслабленную позу – алкоголь действовал на нее со скоростью света, – она промямлила:

– Дмитрий не станет ходить по струнке.

– Факт!

– Он вообще может отказаться – не захочет пачкаться чужой кровью. Дмитрий не наемный убийца с чековой книжкой вместо мозгов.

– Абсолютно согласен. В парне соединились три главных достоинства: честность, смелость и профессионализм. Редкое сочетание. – Бодровский тяжелой поступью уставшего правителя кружил по каюте. – Беды нашей страны происходят от недоучек, бездарей и непрофессионалов. А этот... этот парень ас! Ему нельзя долго застаиваться без работы. Я редко ошибаюсь в выборе.

Владелец яхты остановился у иллюминатора и всмотрелся в непроглядную ночь, испещренную мириадами огоньков на побережье. Вечерний бриз, пришедший со стороны открытого моря, покачивал яхту, точно заботливый папаша колыбель с новорожденным.

– Ты спросил, согласен ли Дмитрий? – вяло поинтересовалась захмелевшая женщина.

– Нет и не собираюсь. Может, уговорю плыть с нами в Россию. Тогда многое упростится. Хотя справки о нем попытаюсь навести до отплытия. – Он поделился своими планами нехотя, не отводя глаз от выпуклого стекла иллюминатора.

Густая россыпь звезд жемчужной сеткой сияла на куполе поднебесья.

– Какая ночь! – лирически прошептал Бодровский.

Его супруга встряла с пьяной злостью:

– Не корчь из себя поэта. Ты мастак привязывать людей к себе. Загонять в угол и надевать хомут. Мне противно обсуждать твои паршивые комбинации!

Ольга Григорьевна порывисто встала. Взяла со столика серебряное ведро с колотым льдом, в котором охлаждалась бутылка шампанского, и хрустальный фужер на тонкой ножке. Пошатываясь, она направилась к двери.

– Ты куда? – Бодровский встревоженно окликнул жену.

– Подышать воздухом.

Повысив голос, Платон Петрович приказал:

– Вернись!

– Ну уж дышать я буду без твоего разрешения! – фыркнула Ольга Григорьевна, заноса ногу над ступенькой лесенки.

Препятствовать он не стал. Оставшись один, Бодровский взглянул на циферблат массивного золотого «Ролекса», булыжником болтавшегося на запястье руки.

До начала срежиссированного спектакля оставался час. Через шестьдесят минут к борту «Свордфиш» должна пришвартоваться лодка с крутыми парнями – главными артистами инсценированного ограбления. Анатолий завербовал двух оглоедов, которых в Италии принято называть людьми из-под темной звезды. Мордоворотов, протиравших штаны в третьесортных барах, не предупредили о реальных шансах потерять парочку зубов или сменить стойку бара на послехирургическую кровать с растяжками. Двум местным барыгам с синими, словно перезревшие баклажаны, рожами предложили сыграть роль грабителей, пообещав за достоверность исполнения отвалить солидный куш.

Платон Петрович, сочинитель этой бездарной пьесы, еще раз хотел прощупать Святого, испытать быстроту реакции, увидеть парализующее прикосновение пальцев.

Барыги получили расплывчатые инструкции, переданные телохранителем Бодровского на дикой смеси итальянского и английского языков с добавлением русского мата. Инструкции состояли из трех пунктов: первое – в оговоренное время подняться на яхту, второе – пошуметь, не причиняя никому вреда, третье – свалить, ничего не прихватив с собой. Расчет на берегу.

– Нихт полицай³, – твердил Анатолий, для убедительности почему-то перейдя на немецкий.

Артисты-любители кивали небритыми физиономиями, похлопывали заказчика по плечам, заплетающимися голосами уточняли день и время, дублируя сказанное на пальцах, и возвращались к волнующей теме:

– Нихт полицай?!

Бычевший от тупости итальянцев охранник орал, распугивая посетителей бара:

– Блин! Да не будет ментов! Не будет...

Постановщик спектакля, господин Бодровский, не учел всех желающих блеснуть способностями на палубе «Свордфиш». Хитрец перехитрил себя...

Довольный ловко обтяпанным поручением шефа, Анатолий покинул бар, поставив завербованным ханыгам за свой счет трехлитровую бутылку вина. Они договорились встретиться около полуночи на заброшенном пирсе.

Не успели компаньоны телохранителя откупорить пробку, как за столик подсел звероподобный верзила и поманил синеносого пропойцу согнутым пальцем. Тот покорно придвинулся вместе со стулом.

Энвера, предводителя банды албанцев, успевшей прославиться своими проделками, знали во всех третьеразрядных кабаках городка. Бежавшие из нищеты, опустошенной войной и мятежами страны, албанцы, оказавшись за границей, сбивались в стаи, занимавшиеся преступным промыслом, или нищенствовали. О проделках парней из банды Энвера на побережье говорили часто, но полиции никак не удавалось прищемить хвост звероподобному ублюдку, распугивающему своим видом туристов.

У албанца имелся вид на жительство, а на месте преступления Энвера застать никогда не удавалось. Внедрить же осведомителей в замкнутую среду албанской общины было невозможно. Соплеменников они не выдавали. Редких предателей быстро вычисляли и карали со средневековой жестокостью, насыпая в выпотрошенную брюшную полость сексота песок или груды камней.

Лапа албанца, имевшего репутацию похуже, чем у людоеда, скользнула вниз и сжала мошонку ханыги.

³ Нихт полицай (нем.) – никакой полиции.

– Бамбино, я приготовлю омлет из сырых яиц... твоих яиц, бамбино, если ты не скажешь, чего хотел русский!

Второй знакомец Анатолия, смекалистый малый, ощутив кожей холодную сталь ножа в районе своей печенки, быстро выложил условия предложенного контракта.

Слежку за пожилой четой Энвер установил давно, выделив этих не считающих денег русских из общей массы туристов. Средний по европейским меркам курорт на адриатическом побережье Италии редко посещали богачи такого класса. Вычислить их не представляло особого труда, и в конце концов у Энвера созрел план нанести визит на яхту. Дело в долгий ящик албанцы откладывать не стали.

Сведения, полученные от пьянчужки, несколько смутили главаря албанцев своей невразумительной причудливостью. Но, рассудив, что у богатых свои причуды и инсценировка нападения нужна, чтобы развеять скуку и пощекотать нервы супруге, Энвер постановил подняться сегодняшним вечером на борт яхты. Расклад выпадал удачный. Карта сама шла в руки, и партия казалась беспроектной.

Несостоявшихся артистов албанцы вывели на задворки, оглушили, ударив по затылкам кожаным мешочком, наполненным мелким песком, и запаковали в мусорные контейнеры отдыхать до утра. Затем Энвер дождался шустрого пацанчика, приставленного неотступно следить за телохранителем русского миллионера. Замызганный подросток доложил главарю банды, что русский играет в пляжный волейбол с девками.

– Не позже одиннадцати поднимаемся на яхту! – распорядился Энвер, уверенный в успехе операции. – Телохранителя вырубим на пристани, когда он придет итальяшек к шефу на представление отправлять.

Приложившись к прихваченной из бара бутылке, вожак стаи выпил за успех предстоящего налета, поделившись вином с небритыми сообщниками.

До начала операции оставалось не так уж много времени.

К яхте налетчики подошли тихо, на веслах, с соблюдением всех мер предосторожности. Бесшумно поднялись на борт в иссиня-густых сумерках наступающей южной ночи. Палуба, сработанная из дорогих пород дерева, приглушила их шаги.

Святой находился в машинном отделении. Хозяин судна попросил его осмотреть дизель – механическое сердце двухмачтовой красавицы. Особой нужды в этой процедуре не было. Двигатель, собранный на заводах «Мерседеса», работал как часы, обеспечивая яхте крейсерскую скорость до тридцати узлов, и был уже опробован в деле.

Святой любил возиться с моторами, вдыхать запах масла и дизтоплива, разбираться в головоломках технических решений, придуманных конструкторами. Он с охотой откликнулся на предложение владельца судна и уединился в машинном отделении, пообещав подняться к ужину в каюту.

Шорох швартуемого у борта яхты резинового понтона Святой, занятый разглядыванием форсунки мерседесовского движка, не расслышал.

Ольга Григорьевна, очарованная безмятежностью теплой адриатической ночи, созерцала прибрежный пейзаж и россыпь огоньков города, бегущих от пирсов порта в долину и дальше по склонам холмов. Отпивая из высокого фужера маленькими глотками охлажденное шампанское, она смотрела на фиолетовую линию предгорий, мигающий огонек маяка, похожий на глаз циклопа, горящий во тьме. Один из визитеров неосторожно зацепился за бухту троса, лежавшего у правого угла рубки управления, и не удержался, чтобы не чертыхнуться. Обернувшись на шорох, женщина вскрикнула и выронила бокал. Этим ее активные действия завершились. Вернее, ей не позволили больше ничего предпринять.

Энвер, с голым торсом, покрытым густой растительностью и похожим на овечью шкуру, промчался по палубе, перепрыгивая через препятствия. Молча он с размаху ударил остолбе-

невшую женщину сжатым кулаком в переносицу. Та, упав навзничь, спазматически захрипела, забулькала, выталкивая изо рта кровь, то ли призывая на помощь, то ли умоляя о пощаде.

Невесть откуда взявшиеся облака заслонили луну. Яхта «Свордфиш», стоявшая на якоре в отдаленном секторе залива, стала невидимой для рыбаков, выходивших из порта на ночной промысел, для любителей ночных прогулок по пляжу, для патрульных машин полиции, стерегущих покой жителей и туристов, навестивших этот райский уголок Адриатики.

Возня на палубе, крики женщины, резкие команды главаря, не считавшего нужным более скрывать свое присутствие на борту судна, заставили Святого спешно покинуть машинное отделение. По узкому трапу он поднялся к остававшемуся открытым люку. Задержался на секунду, пытаясь сориентироваться в обстановке. Как опытный шахматист с полувзгляда оценивает расположение фигур на шахматной доске, так и Святой, ставя ногу на последнюю ступеньку трапа, уже знал свой первый ход – залог беспроигрышной партии.

Троица, бестолково галдя, шныряла по яхте, не ожидая, по-видимому, дальнейшего сопротивления. К списку жертв албанцев присоединился владелец яхты, лежавший лицом вниз у входа в каюту. Его тело наполовину находилось за дверью, волосы на макушке потеряли благородную седину, сбившись в липкий комок. Казалось, какой-то злой шутник положил ему на голову медузу, растекшуюся от уха до уха. Вот только медуза имела неестественный темно-малиновый окрас.

Низкорослый албанец, одетый в растянутые трикотажные шорты и такую же безразмерную майку с надписью на английском: «Я люблю Майами», пререкался со своим главарем. Он отчаянно размахивал руками, тыча носком ноги в распростертое тело русского бизнесмена. Верзила внимал словам коротышки с угрюмой сосредоточенностью и изредка оборачивался, бросая взгляд на рыдающую женщину.

Она, не отойдя от удара, повторяла как заведенная:

– Мальчики, возьмите что хотите и оставьте нас. Мальчики...

Ольга Григорьевна говорила по-русски, не отдавая себе отчета, что ее не понимают. С таким же успехом она могла умолять стаю хищников, распаленных запахом крови.

Ближе всех к трюму машинного отделения стоял довольно плотный субъект с кокетливой косичкой на затылке. Эта косица придавала ему вид заправского пирата, а скруток цепочек, обвивавших шею, только усиливал сходство.

Типчик, беспечно почесывая живот, брел по палубе и иногда восхищенно цокал языком. Шикарная яхта произвела на него впечатление. Задрав голову, он обозревал паутину снастей, когда Святой, вынырнув из укрытия, бросился в атаку.

Резким выпадом правой руки Святой проверил на прочность солнечное сплетение парня с косичкой. Тот не успел среагировать и защитить уязвимое место. Выпучив глаза, на подгибающихся ногах он, подчиняясь инстинкту самосохранения, сделал пару шагов к приятелям, уже мчавшимся ему на подмогу.

Бриз, веющий со стороны открытого моря, разогнал тучи, обнажив яркий, словно начищенный медный таз, диск луны. При зыбком свете картина происшедшего на палубе стала отчетливее. Обманчивые тени исчезли. Следы побоев на лице женщины стали яснее, точно невидимая рука стерла с него темный грим.

Поймав уползающего бандита за косичку, Святой крикнул:

– Ольга Григорьевна, как вы?!

Вместо ответа, которого Святой и не ждал, он услышал по-бабьи пронзительное причитание:

– Мальчики, возьмите что хотите...

Расстояние между Святым и двумя бандитами сократилось до опасного минимума, а он продолжал держать за волосы задыхающегося албанца, словно не зная, что с ним делать, – отпустить на волюлизывать раны или добить, чтобы не путался под ногами.

Длинноволосый сам выбрал свою участь. Вытянув шею до хруста позвонков, он повернул голову и впился зубами в бедро Святого. Непроизвольно вскрикнув, тот двинул не в меру ретивого парня согнутым локтем по затылку, а затем приподнял незваного гостя за косичку, встряхнул, точно мешок с мукой, повернул лицом к себе и ударом в подбородок отправил в короткий, но впечатляющий полет.

Двое налетчиков притормозили, ошеломленные феерическим зрелищем. Их длинноволосый приятель, описав неправильную параболу, перелетел через поручни и спланировал в воды залива. Столб брызг просигнализировал о не слишком удачном приводнении. Вслед за этим последовало звуковое сопровождение – надсадный рев, напоминающий сирену входящего в порт танкера.

Вырванная с корнем косичка осталась в руке Святого. Словно извиняясь за собственную жестокость, он сделал примиряющий жест, как бы предлагая непрошеным визитерам остановиться и уладить дело с миром.

Албанцы не были настроены использовать подаренный шанс. Выдвинувшийся вперед коротышка, изрыгая ругательства, жонглировал тесаком внушительных размеров. Обоюдоострое лезвие со следами то ли ржавчины, то ли запекшейся крови выглядело устрашающе. Зазубренное лезвие больше походило на изощренное устройство для пыток, чем на инструмент для поножовщины. Коротышка, замахиваясь тесаком над головой, продолжал наступать, оттесняя Святого.

Бриз вновь усилился, заставляя снасти звенеть. Поднявшиеся волны ударились о борта яхты с легким стуком, точно тысячи деревянных молоточков исполняли на алюминиевых листах корпуса монотонную мелодию. Палуба подрагивала.

– Дмитрий! Ради бога, осторожнее!.. – срывающимся голосом закричала женщина. – Дмитрий, не связывайся с этим зверем...

Святой не обращал внимания на стенания хозяйки «Свордфиш». Азарт борьбы, давно не посещавший его, захватил его с головой. Он отслеживал каждое движение коротышки, не упуская из виду и главаря. Последний беспокоил Святого гораздо больше. В повадках, расчетливо-скупых телодвижениях верзилы сквозила первобытная сила охотника, привыкшего загонять жертву до конца. Он передвигался мелкими шажками, словно танцуя. Мышцы на теле албанца подрагивали, но лицо сохраняло бесстрастное выражение самоуверенного игрока, не сомневающегося в победе.

Коротышка представлял полную противоположность. Он напоминал ртутный шарик, облаченный в майку и шорты. Дергаясь всеми частями тела, низкорослый бандит умудрялся еще и делать непристойные жесты, сулящие противнику массу сексуальных переживаний не слишком приятного характера. Не забывал он и размахивать своим древним тесаком, но с атакой медлил.

Между тем громила с голым торсом чуть поотстал от напарника. Дистанция между ними увеличивалась, но коротышка этого не замечал. Лезвие тесака плясало уже у лица Святого. Сквозь зубы он буркнул:

– Бог ты мой, из какого музея, парень, ты стащил такой раритет? С этакой штуковиной надо уметь обращаться!

Еще на половине фразы Святой швырнул пучок волос, остававшийся в руке, прямо в глаза коротышке. Опешивший албанец принялся тереть запорошенные глаза, продолжая по инерции двигаться вперед. Святой, вильнув влево, очутился у бока коротышки. Не теряя драгоценного времени, он провел серию ударов. Хруст ломающихся ребер слился с воплем осатавшего от боли албанца. Выронив тесак, он закружился волчком, стараясь уйти из-под града ударов.

– Энвер... Энвер! – заорал он в паническом испуге.

Но тот по-рачьи пятился назад. Потерявший в мгновение ока двоих сподвижников – Святой потратил на подобающий прием непрошенных гостей две-три минуты, – здоровяк, похожий на шерстистого носорога, избрал более осмотрительную тактику. Уж слишком грозен был противник, неожиданно-негаданно вынырнувший из трюма. Сгруппировавшись, Энвер приготовился обороняться. Выставив руку с американским армейским ножом, он с шумом втягивал ноздрями воздух и, не размениваясь на ругательства, готовился к главному моменту схватки, от которого зависела его свобода или даже жизнь. Подобравшись, как рысь перед прыжком, албанец отходил к носу судна, загоняя сам себя в угол. Определенно – профессионалом мастерской поножовщины Энвер не был.

Точный удар прямой ладонью по шее нейтрализовал коротышку. Расставшись с сознанием, он рухнул на палубу, угодив лбом в стойку ограждения, отчего его голова дернулась, словно теннисный мячик при подаче. Схватка проходила под аккомпанемент оглушительных воплей бандита, выброшенного за борт. Он вскидывал к небу руки в поисках несуществующей опоры, захлебывался, погружаясь в воду, а вынырнув, вновь принимался что-то орать на непонятном наречии. На четверть оскальпированный, он был неважным пловцом. Только испуг, заставлявший его конечности взбивать воду со скоростью винтов моторной лодки, позволял парню кое-как удерживаться на поверхности. Но такой прыти, замешанной на страхе утонуть, надолго хватить не могло.

«Минуто, от силы две продержится», – оценил его шансы Святой, переступая через распростертое на палубе яхты тело коротышки.

Энвер отступал к носовой части судна. Покрытый порослью черной шерсти от пупка до горла, албанец смахивал на плюшевого медведя, которому по ошибке приделали на фабрике игрушек голову человека. Из троицы, поднявшейся на борт яхты, не спрашивая разрешения хозяев, этот был, пожалуй, самым крепким орешком для Святого.

Слегка пританцовывая на полусогнутых ногах, верзила продолжал пятиться. Стальное жало ножа тускло отсвечивало в его руках, отражая свет звезд, зажегшихся над заливом.

От албанца остро пахло потом. Даже бриз не мог развеять удушливой терпкой волны, распространяющейся по яхте. Святой знал этот запах страха, когда каждая пора на теле человека начинает сочиться влагой. Шерсть на животе и груди Энвера будто покрылась слизью, потеряв свою курчавость. Святой знал и другое: страх – самый мощный допинг, способный толкнуть противника на любое безрассудство.

Оглянувшись, албанец убедился, что отступать дальше некуда. Пространство палубы конусообразно сжималось. Издав нечто наподобие боевого клича, Энвер сделал ложный выпад. Лезвие ножа сверкнуло у предплечья Святого, и тут же он получил удар по голени ноги. Расчетливый бандит намеревался сбить с ног противника, чтобы воткнуть нож в незащищенный затылок или спину.

Акция не удалась. Святой увернулся, проведя ответный, парирующий удар пяткой по селезенке громилы. Скрипнув зубами от острой боли, бандит чуть изогнул туловище. Воспользовавшись этим мгновением, Святой перехватил кисть руки албанца, сжимающую нож, и переломил ее в запястье.

Оружие выпало из рук Энвера и вонзилось в дерево палубы. Остальное было делом техники. Пройдясь по болевым узлам, которыми природа щедро наделила несовершенное человеческое тело, Святой швырнул обмякшего верзилу на палубу. Тот проскользил по безупречно ровным доскам и очутился у передней стены рубки управления. Натужно кряхтя, сплевывая густые комки крови, он, впиваясь ногтями в поверхность стены, поднялся и, пошатываясь, обернулся, ища глазами обидчика. Его взгляд, маловыразительный, с остатками угасающего сознания, тем не менее удивил Святого. Обычно после такой трепки нормальный человек перестает трепыхаться, переходя в разряд временно недееспособных. Албанец же растопыривал руки и что-то ожесточенно мычал.

Подойдя к нему, Святой, еще не остывший после происшедшего, укоризненно покачал головой:

– Неумный ты какой-то! Расслабься, приятель.

Легко хлопнув его по шее, он заставил верзилу опуститься на колени, а затем подхватил его под мышки, подтянул к ребру рубки и приложил со всего размаху физиономией.

На яхте восстановилась тишина.

Святой неторопливо прошелся вдоль борта, снял спасательный круг, закрепил литьевым узлом и точным броском послал круг теряющему силы албанцу. Вытащив бедолагу из воды, учинил короткий допрос, взбадривая сизого от страха и боли парня подзатыльниками. После каждой затрещины тот отхаркивался коктейлем из слюны и морской воды, затирая следы ладонью. Ответы опережали вопросы. Албанец сносно владел итальянским и выложил все, как на исповеди.

Выслушав, Святой потрепал этого без пяти минут утопленника по щеке:

– Паршиво агентура работает! Увольнять таких халтурщиков надо. Увольнять без выходного пособия! Так и передай шефу!

Длинноволосый, с дрожащим подбородком, блестящим от вязкой слюны, двумя ручейками стекавшей из уголков рта, покорно кивал головой. Пальцы Святого мягко прикоснулись к впадине, расположенной ниже уха албанца. Зрачки его глаз закатились куда-то под веки, а дыхание на секунду пресеклось, чтобы потом стать ритмичным и спокойным. Святой придержал безвольно откинувшуюся голову налетчика. Оттащив умиротворенно посапывающего парня к приятелям, он с аккуратностью педанта сложил тела в рядок. Убедившись, что сознание к ним вернется не скоро, Святой спешно пересек корму и подошел к рубке управления.

– Как вы, Платон Петрович? – участливо спросил он уже поднявшегося Бодровского.

Владелец яхты сидел, прислонившись к дверному косяку. С видимым усилием от стер с лица гримасу боли.

– Терпимо, – ответил он, массируя ладонями виски.

– Пришвартуемся к причалу через пять минут. Я свяжусь по радиации с берегом. Вызову врачей и карабинеров.

Жена владельца яхты одобрительно моргнула веками с почти бесцветными рыжеватыми ресницами. Давясь слезами, она бестолково суетилась около мужа, то размазывая ладонью кровь по его лбу, то поправляя оторванный рукав тенниски. При этом женщина по-деревенски жалобно причитала и была похожа на сельскую плакальщицу, приглашенную на поминки. Ольга Григорьевна Бодровская сейчас ничем не напоминала супругу человека, входившего в первую сотню богатейших людей России. Содрогаясь изможденными диетами, занятиями в фитнес-клубах и болезнями телом, она прижималась к постанывающему мужу.

– Не вызывай полицию. Встреча с карабинерами не принесет тебе радости. – Платон Петрович Бодровский отстранил жену, чтобы лучше видеть Святого.

Тот равнодушно пожал плечами:

– Никаких проблем. Я в ладах с местным законом.

Неловким движением супруга задела край неглубокой, но широкой раны, чем вызвала гневную реакцию мужа. Он отмахнулся от нее, словно от назойливого насекомого:

– Отстань. Лучше иди умойся и принеси нам коньяку.

Бодровский демонстрировал полное пренебрежение к здоровью жены, которой тоже досталось от бандитов. Следуя правилу – в чужой монастырь со своим уставом не лезут, Святой промолчал. А супруга сурового капитана яхты, видимо, привыкшая к крутому норову своего благоверного, не стала возражать и исчезла за дверями, ведущими в роскошно отделанные каюты.

Не дожидаясь коньяка, Святой пообещал:

– О гостях я позабочусь. А с карабинерами вы сами решайте.

Седовласый бизнесмен властно прервал его:

– Два раза не повторяю! Полиции на борту яхты делать нечего. Подонков ты отделал под орех... Спасибо. Благодарен.

Последние слова он произнес подчеркнуто весомо, вкладывая в них особый смысл.

– Ты, Дмитрий, бравый рубака. Основная часть представления прошла без меня, но судя по результатам... – Платон Петрович многозначительно хмыкнул.

Три пары подошв рядом чернели на палубе.

– Заурядная шпана. Итальянцы сначала распростили объятия перед беженцами из коммунистического концлагеря под названием Албания, а после спохватились, когда с эмигрантами начались проблемы. Проходимцы, вроде этих, получают вид на жительство и даже паспорта. Быстро ориентируются, какому чиновнику сколько отстегнуть. Взятки – болезнь интернациональная. С народцем попроще сейчас не церемонятся. Поймают – и в репатриационный лагерь. Оттуда – пинком под зад на баржу и обратно в Албанию. Чтобы строили демократию у себя дома, а не откусывали куски от чужого пирога.

Платон Петрович поправил:

– От чужой пиццы... В общем-то справедливо.

Его собеседник встал, давая понять, что не все дела завершены и дальнейший разговор лучше отложить на потом.

– Я не политик. – Святой глянул сверху вниз на Бодровского.

Развернувшись, он направился к постанывающим в забытии неудачливым пиратам. По очереди перенес их вниз, на резиновый понтон, предварительно перевязав швартовым канатом. Переместив тела на достаточно надежное плавсредство, опустил перекидной трап. Балансируя, спустился к понтону, поправил туши налетчиков, расположив их вдоль днища. Открыл крышку бензобака движка и проверил уровень топлива.

– Для непродолжительной морской прогулки вам, ребятки, хватит. А обратно, извините, придется веслами поработать, – говорил он неподвижным, словно бревно, албанцам.

Два цельнометаллических весла с раскладными рукоятками Святой предусмотрительно достал из уключин и положил между коротышкой и Энвером. Затем он зафиксировал рычаг руля в прямом положении. Повинуясь этому механизму, понтон мог плыть только прямо.

Яхта, стоявшая на якоре носовой частью в открытое море, была идеальной стартовой площадкой маршрута, определенного Святым для налетчиков. Занимая яхта другое положение, ему пришлось бы для осуществления задуманного устраивать ночное купание, выполнять сложные маневры или обходиться прозаической транспортировкой тел на берег.

На высокой ноте взвыл мотор. Святой убавил обороты. Понтон не предназначался для глиссирования и при избыточной скорости мог перевернуться. А брать грех смертоубийства на душу в планы Святого не входило.

– Ну, флибустьеры, в путь!

Прямоугольник понтона заскользил по волнам, держа заданный курс к выходу из бухты. Сильного течения в этих местах не наблюдалось, метеопрогноз также был благоприятный, а бензина хватало, чтобы покрыть не слишком значительное расстояние.

Святой был уверен на все сто процентов, что, когда албанцы очнутся, береговая линия еще будет в зоне видимости. Но добраться до нее, если их не подберет рыбацкое судно, будет стоить им немалых трудов и кровавых мозолей.

Понтон растаял в фиолетовом мраке, напоминая о себе лишь слабеющим рокотом движка. Тишина вернулась в залив. Приморский город с гостеприимно распахнутыми до утра барами, ресторанами, дискотеками подмигивал с темнеющего берега веселыми разноцветными огоньками.

Святой, скрестив по-турецки ноги, сидел у оставшегося неподнятым трапа. Он слушал гул прибоя – шум битвы, идущей от сотворения мира между морем и сушей.

Налетчики очнулись среди безбрежной сини под чихание глохнущего мотора. Анатолий провалялся ночь на полузатопленном прогнившем баркасе, с шеей, согнутой набок от удара обрубок стальной трубы. Раздетый догола, он прополз наутро обходными путями с заброшенного пирса на нудистский пляж, чтобы, украв там вещи, прикрыть срам и предстать перед шефом. А Платон Петрович посмотрел захватывающий поединок, подтвердивший превосходные бойцовские качества Святого, но заплатил за бездарно срежиссированный спектакль разбитой головой, на которую хирург частной клиники наложил потом четыре шва.

– Дмитрий, давайте сфотографируемся на память! – Бодровский прихрамывая ковылял по палубе. На его макушке была натянута сеточка, прижимавшая тампон, пропитанный травяным бальзамом, рекомендованным в качестве заживляющего средства.

Он достойно перенес провал и побои, но потом выместил злобу на недоумке-телохранителе. Щеки Анатолия горели от пощечин, а губы распухли, став похожими на укороченный утиный клюв.

В руках Платон Петрович держал фотоаппарат «Кодак» с взведенным затвором.

– Пожалуйста, на память... для семейного альбома Бодровских увековечим ваш облик!

Святой, одетый в широкие шорты-бермуды, не покидал «Свордфиш» после нападения больше чем на час; по обыкновению он коротал время в шезлонге, штудирова пухлую инструкцию программирования автопилота. Отложив том, упакованный на всякий случай в водонепроницаемую коробку-обложку, он потянулся, подставляя свой атлетический торс солнцу.

– Платон Петрович, я нефотогеничен. Запечатлеем лучше вас с боевыми шрамами. На светском рауте в России вы достанете фотку, покажете ее приятелям-банкирам и расскажете душераздирающую историю о корсарах Адриатики, взявших на abordаж мирное судно.

– Без вас, Дмитрий, повесть будет скучной. Никто не поверит, что старый, больной промышленник, по комплекции схожий с бурдюком прокисшего вина, и его безмозглый охранник отбили нападение пиратов. Позвольте задокументировать портрет спасителя яхты «Свордфиш» и ее команды! – с шутливым пафосом произнес Бодровский.

Автоматическая диафрагма «Кодака» сузилась, пропуская на пленку нормированную дозу света. Щелкнул затвор, и мягко прожужжала перемотка. Еще щелчок...

– Платон Петрович, ну я же не фотомодель, способная украсить обложку журнала! – молитвенно запротестовал Святой.

– Как сказать, голубчик, – загадочно улыбаясь, ответил хозяин яхты, умудряясь сделать третий снимок.

В тот же день господин Бодровский, сопровождаемый телохранителем, отправился в город. Пока шеф потягивал коктейль «Дайкири» в прохладном зале ресторана, Анатолий посетил фирменный салон с желто-красными логотипами на витрине.

– Проявите срочно пленку и сделайте двадцать шестой, двадцать восьмой и двадцать девятый кадры, – стальным голосом произнес этот коротко стриженный молодчик, катая по прилавку кассету.

Миловидная девушка в майке с глубоким вырезом стрельнула глазами из-под солнцезащитного желтого козырька:

– Синьор, если печатать все фотографии, выйдет дешевле.

– Нет, только названные кадры! – раздраженно выпалил охранник, заползая взглядом в вырез ее майки.

– Как будет угодно! – Девушка передала пленку оператору, работающему с проявочно-печатающей машиной, и принялась украдкой наблюдать за грубоватым клиентом.

Усевшись на стул, он беспрестанно вытирал пот бумажными салфетками, которые, скомкав, бросал в урну, причем всякий раз промахивался. Голова его, наклоненная к правому

плечу, иногда дергалась, будто через нее пропускали электрический заряд, с секунду тряслась и лишь потом принимала прежнее положение.

Девушка прыснула в кулачок, отвернувшись к стене, и тут же набожно извинилась в душе: «...Санта Мария, прости меня за смех над калеккой».

Готовые фотографии, вложенные в конверт, и пленку Анатолию вручили через десять минут. Он расплатился пластиковой карточкой, попросил стакан воды, которым запил болеутоляющую таблетку. На прощание охранник одарил девушку испепеляющим взглядом, процедив на русском:

– Подо мной, сука, ты бы не ржала, а визжала!

Уловившая по интонации непристойность в словах иностранца, девушка, выставив указательный палец, проводила клиента жестом, приобретшим всемирную известность благодаря американским фильмам.

Пробежавшись рысью по запруженным туристами улочкам, Анатолий доставил конверт шефу. Не надевая очков, Платон Петрович рассмотрел изображения, поднеся стекла почти к поверхности бумаги.

– Что за номер на груди? – спросил он, задержавшись на одной особенно удачной фотографии.

Телохранитель почтительно склонился:

– Где?

– Вот, под левым соском груди, – дужкой очков указал Бодровский.

Прищурившись, охранник всмотрелся в бумажный глянцевого квадрат и, распрямившись, радостно отрапортовал голосом полезного человека:

– Группа крови. В частях спецназа делают такие татуировки, чтобы при тяжелом ранении возни с переливанием крови было меньше. А потом и трупы проще идентифицировать. Есть метка на шкуре...

– Закрой рот и иди за такси. Не догадался лишние экземпляры заказать, кретин! – Платон Петрович зачмокал соломинкой, втягивая в себя «Дайкири».

Взбодрившись коктейлем, Бодровский нанес визит в филиал «Банко Амброзиано». Управляющий отделением долго тряс руку крупного вкладчика, чью персону приказал опекать сам директор банка. Русский миллионер попросил предоставить в его распоряжение сканер, чистый лист бумаги, компьютер с выходом в европейскую банковскую систему и телефон с факсимильным аппаратом.

Зайдя в комнату, Платон Петрович, не думая над текстом, набросал скорописью на листе с гербом банка послание доверенному лицу: «Соберите данные на человека, чью фотографию получите по банковской сети. Пользуйтесь источниками информации в правоохранительных и силовых структурах, оплачивая только конкретные данные. На подготовку досье отвоюю ровно три дня». Бодровский проставил дату и подпись. Движения его рук были четкими и размеренными, точно у музыканта, играющего сложный этюд, где любое неверное прикосновение рождает фальшивую ноту, нарушающую гармонию.

Отсканировав фотографию, Платон Петрович ввел электронный вариант изображения в компьютер. Передохнув за любезно предложенной чашечкой кофе, он набрал международный код России, затем код Москвы и номер, где его звонков всегда ждал человек для конфиденциальных поручений.

– Прими факс! – сказал ему Бодровский. – В моем банке сейчас получают занимательный портрет... Удачи!

За тысячи километров от Апеннинского полуострова немолодой, бесцветный как моль человек с осанкой кадрового военного спустился на лифте, подхватив под мышку зонтик. Спрятавшись от веселого летнего ливня под кругляшом зонта, он прошлепал до стоянки, открыл дверцу белого «Вольво» и, усевшись в кресло, перечитал текст факса на термобумаге

с перфорированными краями. Зачем-то посмотрев в одну из дырочек, окаймлявших листок, смял его, затолкал в пепельницу и поджег разогретым прикуривателем. Бывший руководитель отдела Второго главного управления Комитета госбезопасности⁴ не любил оставлять следы. Никуда не сворачивая, он отправился в банк, принадлежавший через подставных лиц Бодровскому. Поколдовав над клавиатурой компьютера, он вошел в сеть, добрался до сайта с фотографией. Для подстраховки отставной комитетчик, фактический агент Бодровского по обтяпыванию деликатных, не подлежащих огласке делишек, переписал данные на дискету. Перекурив в открытую форточку, он подышал влажным воздухом и сделал завершающий штрих первого этапа заковыристого поручения. Увеличив в масштабах фото, бывший чекист отпечатал на лазерном принтере несколько портретов.

Затем он вышел через черный ход, сел в машину и вернулся домой. Съев диетический обед – чекистское прошлое отозвалось язвой желудка, – он скрупулезно исследовал портрет молодого темноволосого мужчины с рельефно вылепленным торсом. Обратив внимание на наколку под левым соском объекта, спец по вынюхиванию чужих тайн обвел номер красным фломастером. Потом он заполнил ежедневник на ближайшие три дня, предварительно сделав дюжину телефонных звонков.

Доверенное лицо Бодровского беспрестанно сновал по Москве, встречаясь в тихих скверах, на скамейках бульваров, под кронами деревьев парковых аллей с людьми из Министерства обороны и Генпрокуратуры, чиновниками, ведавшими правосудием, офицерами Управления кадров МВД.

С упорством крота бывший чекист перепахивал ведомственные архивы руками подкупленных должностных лиц. Для него не существовало запретов и грифов «Совершенно секретно». Деньги Бодровского открывали любые хранилища, папки, сейфы, компьютерные файлы. Педантично записывая расходы на взятки, отставной гэбист складывал добытый материал, ксерокопированные листы, помечая цену каждого.

Последнюю ночь перед назначенным сроком он не спал. Сгорбившись над письменным столом, пенсионер невидимого фронта просеивал сквозь аналитическое сито мозгов накопленные данные, пытаясь отбросить несущественное и выделить главное.

Едва забрезжило утро, во двор дома выплыла заспанная дворничиха с разлохмаченной метлой. Шаркнув разок своим разваливающимся инструментом возле бордюра, она взглянула на горевший в окошке свет и скорбно вздохнула, обращаясь к вертевшейся рядом пегой дворняге:

– Глянь, Баксик! Мается мужик из сто восьмой. Ноченьку глаз не смыкал!

Сердобольная дворничиха попала не в бровь, а в глаз.

Краткая справка оказалась слишком тесной для биографии объекта, а литературным талантом отставник не обладал. Потратив впустую ночь, он не нашел ничего лучшего, чем соорудить сборную солянку из послужного списка офицера элитной части спецназа, материалов уголовного дела, судебного приговора. Скомпоновав документы в хронологическом порядке, он рухнул на тахту вздремнуть.

В назначенный срок, пунктуально до минуты щель факсимильного аппарата, находящегося в помещении «Банко Амброзиано», начала изрыгать бумажную ленту, зазмеившуюся по полу.

Приехавший загодя Бодровский, уже истомившийся ожиданием, опустился на колени и подобрал начало ленты. Шевеля губами, он прочитал:

⁴ Второе главное управление КГБ занималось экономическими преступлениями, охраной промышленных объектов, слежкой за иностранцами.

– ...Рогожин Дмитрий, командир отдельного отряда спецназначения, был представлен к правительственной награде за мужество, проявленное при выполнении задания на территории Российской Федерации...

Платон Петрович бегло просматривал копии документов, скручивая ленту в рулон. Внутренний свиток, содержащий жизнеописание Святого и изложенный казенным языком рапортов, справок, протоколов, состряпанных канцелярскими крысами, был для Бодровского самым занимательным чтивом на свете.

Вернувшись на яхту, он заперся в каюте, отдав распоряжение не тревожить его. С усердием студента перед экзаменационной сессией магнат разбирал смазанные кое-где строчки, нечетко выведенные самописцами перегревшегося аппарата.

– Идеальная кандидатура... Чистильщик! – бормотал Бодровский, перечитывая отдельные фрагменты досье.

Холодный безжалостный блеск вернулся в его глаза. Подойдя к вмонтированному в стену каюты зеркалу, Платон Петрович потер переносицу и улыбнулся своему отражению.

– Поздравляю! Ты нашел чистильщика... Не торопись, не лезь напролом! Святой, то бишь Дмитрий Рогожин, крепкий орешек, но от меня ему не уйти.

В этот момент лицо магната озарилось блаженством, каким-то паучьим наслаждением, уверенностью, что жертва прочно запуталась в клейких сетях искусно расставленной сети.

Воткнув свиток в серебряное ведерко, стоявшее на столике, Платон Петрович достал зажигалку и поднес пляшущий язычок к бумаге. Пламя взметнулось вверх, пожирая свиток, потом обессиленно упало, оставляя после себя сизый пепел.

Вошедший на щелчок пальцев хозяина телохранитель вынес пепел в туалетную комнату и вытряхнул его из ведерка в раковину унитаза. Посозерцав круговорот воды, он облегчил мочевой пузырь, смывая налипшие на фаянс сизые хлопья.

Адриатические каникулы господ Бодровских подходили к концу. И у миллионеров отпуск небезразмерен. Дела требовали присутствия в России.

Украшенная иллюминацией яхта принимала гостей. Платон Петрович с супругой давали прощальный ужин. Приглашенных было немного, только избранные персоны: партнеры по бизнесу, оказавшиеся в этих краях, управляющий филиалом «Банко Амброзиано», ошарашенный милостью русского миллионера, Дэвид Стерлинг и Святой.

Официанты в смокингах, из-за льющегося пота и набриолиненных волос похожие на королевских пингвинов с растаявшего айсберга, обносили гостей шампанским. Банковский управляющий, человек чуть выше среднего достатка, налегал на икру, проглатывая бутерброд за бутербродом. Дамы в вечерних туалетах беззаботно щебетали, подставляя теплему ветру оголенные плечи и спины.

– Слава богу, отчаливают! – меланхолично произнес Святой.

Они с Дэвидом Стерлингом держались особняком, чувствуя себя на столь шикарном приеме не в своей тарелке. Святого к тому же агрессивно атаковала сексапильная дама, молодая жена итальянского лесопромышленника и владельца судостроительной верфи. Ее бюст, как два речных бакена, выпадал из декольте при каждом томном вздохе, адресованном Святому.

– Господин Бодровский озолотил побережье нашего залива, – прозвучал голос англичанина.

– ...и вогнал в нищету тысячи людей на моей Родине, – буркнул Святой.

– Что ж, Бог неровно делит. Хотя к России он особенно несправедлив, – нашел на кого свалить дипломатичный старик.

Ему, как, впрочем, и Святому, жаловаться было грешно. Бодровский не глядя подмахнул чеки и за аренду виллы, и за внеплановые услуги.

Официант подал шампанское. Сухой, словно птичья лапка, ладонью англичанин подцепил бокал. Руки Святого остались в карманах брюк.

– Дмитрий, почему не берешь? – спросил Стерлинг.

– Не люблю пузырьков. В носу щекочат! – рассмеялся Святой.

Приглашенная капелла наигрывала мелодичные серенады. Столы наполнялись новыми блюдами, меняющимися, как картинки в калейдоскопе.

Святой вспомнил лишённые растительности горы, банки консервов из сухпая, насквозь промерзшие до бетонной твердости. Таблетки сухого спирта из горного пайка украли еще на складе, а развести костер было нельзя. Боевики волчьей стаей кружили по ущельям. Зазубренной частью штык-ножа его бойцы отпиливали кусочки ледяной массы и сосали, положив под язык, растягивая удовольствие. После привала группа начала восхождение на проклятый перевал... Перевал, где захлопнулись железные клещи засады, предупрежденной о рейде спецназовцев. Святой до гробовой доски не забудет, как из располозованных свинцом внутренностей корчившегося на каменистой тропе младшего сержанта вываливались осклизлые комочки непереваренной, подтаявшей перловой каши с мясом.

Стиснув до боли зубы, Святой отвернулся от жующей, смачно причмокивающей, пьющей публики, фланирующей по палубе под звуки чарующей музыки.

– Что с вами, Дмитрий? Вам нездоровится? – деликатно спросил англичанин, возвращая официанту недопитый бокал.

– Нет. Ничего. Меня подташнивает от гостей господина Бодровского, да и от него самого тоже. Я выгляжу белой вороной среди этих миллионеров, снобов, финансовых воротил. Обжираться икрой, как синьор управляющий, невзирая на окружающих, я не могу. – Святой украдкой сплюнул за борт.

– Жизнь подобна зрительному залу, в ней часто весьма дурные люди занимают наилучшие места. Пятьсот лет до нашей эры эту особенность подметил Пифагор, великий математик и философ. За две с половиной тысячи лет почти ничего не изменилось, но, может, на небесах места распределяются по-другому? – Старый вояка, приученный ко всему относиться с иронией, зашелся тихим, дребезжащим смешком, внезапно переводя смех в зевок.

Святой непонимающе посмотрел на англичанина. Прикрыв ладонью рот, мистер Стерлинг тоном большевика, проверяющего пароль, прошептал:

– К нам идет господин Бодровский!

Переваливаясь, точно откормленный гусь, магнат прошаркал по едва колышущейся палубе. За ним с видом заботливой няньки приковыляла супруга.

– Как вам вечеринка? – спросил Платон Петрович. – Отшельники! Ни с кем не беседуете. Игнорируете общество! А между тем, мистер Стерлинг, здесь можно завязать полезные знакомства. Вашему бизнесу не помешает вливание капитала.

Отменно учтивый пожилой джентльмен вежливо произнес:

– О, у меня скромные масштабы, господин Бодровский, и преклонный возраст для новых инвестиций. Слишком много хлопот...

Святой синхронно переводил.

– ...а прием грандиозный. Жаль, что вы отбываете в Россию. Я нашел в деревенской таверне чудный винный погребок с превосходным белым вином!

Слащавая улыбка приклеилась к губам магната.

– Дела, уважаемый Дэвид, дела. Аукционы, распродажи, приватизация... Все требует моего присутствия. Когда мы будем вести цивилизованный бизнес, у меня в кабинете останется лишь одна кнопка. Нажав ее, я вызову нужного человека, который будет дальше решать, какую кнопку поменьше следует нажимать и кому поручать двигать дело. А пока... – Бодровский развел руками, – пока я незаменим.

Покачивая головой, словно китайский фарфоровый болванчик, Дэвид Стерлинг как-то бочком подобрался к супруге промышленника. Подхватив ее под локоть, галантный англичанин оставил мужчин один на один, угадав желание владельца яхты.

– Мое предложение остается в силе. – Магнат стоял, опершись обеими руками на поручни борта.

– Насчет чего?

– Составить нам компанию в круизе до России.

– Вы знаете ответ. Не бойтесь, в этих морях, кроме прибрежной шушеры, больше никто не водится. Пиратов истребили давным-давно, перевешав последних турецких морских разбойников на реях лет двести тому назад, – намекая на недавний инцидент, сказал Святой.

– Ваш выбор, Дмитрий, неверен. Дружбу таких людей, как я, не отвергают. Но время, – в голосе Платона Петровича звякнул металл, – время расставит все по своим местам.

Саркастическая улыбка пробежала по губам Святого.

– Вы находите меня богатым самодуром, только что не писающим в золотой унитаз, – поглаживая выбритую, благоухающую лосьоном щеку, говорил Бодровский. – Напрасно! Я обычный человек со слабостями, пристрастиями, большими местами и ранимой душой. Но мое отличие от простых смертных в том, что я стремлюсь побеждать. Побеждать в бизнесе, в карточной игре, в спорах... Во всем! Вы чем-то похожи на меня. Тоже не терпите поражений?

Святой пожал плечами:

– Я не мазохист. Кто же любит проигрывать?

– Рано или поздно мы понадобится друг другу. Я умею угадывать будущее, обладаю даром провидения. – Лихорадочный блеск в глазах Бодровского предвещал очередной поток маловразумительных бредовых речей.

Святой прервал:

– Гадаете на картах? На кофейной гуще? А может, по звездам? Астрология сейчас в моде. У вас есть личный звездочет?

Лицо магната стало жестким. Острота задела Бодровского, но он продолжал вкрадчиво-елейным голосом:

– Думаю, что очень скоро я навещу Сан-Стефано еще разок, и тогда вы мне не откажете составить компанию.

В словах магната слышалась то ли угроза, то ли превосходство провидца, разгадавшего тайны будущего.

– С рассветом «Свордфиш» уходит. Мы задержимся на три дня в Бриндизи. Посмотрим город, попрощаемся с Италией, а потом прямым курсом к Черному морю. Передумаете – милости прошу на борт яхты. Нагоните по суше или самолетом. В Бриндизи прекрасный аэропорт и автостреды отличные.

Пухлые пальцы магната извлекли из кожаного бумажника визитку. Он подал прямоугольник с золотыми тисненными буквами. Покровительственно похлопав Святого по плечу, Бодровский удалился с достоинством римского императора, только что облакавшего подданного.

«Наплел с три короба. Вот прицепился этот надутый индюк, словно банный лист к заднице. На кой ляд я ему сдался?» – чертыхнулся Святой.

Подойдя к фонарику иллюминации, полыхающему на нее сапфировым светом, он рассмотрел визитку, напечатанную на дорогой бумаге. Под фамилией магната была сделана приписка от руки: предлог и буква с точкой «Для С.».

– Забавно, – сквозь зубы процедил Святой, не зная, что и думать. – Кажется, моя биография известна этому надутому индюку. Впрочем, может, ошибка... Он не подписывал визитку при мне. Просто достал из бумажника не ту карточку! Забавно...

Размахнувшись, Святой швырнул за борт бумажку в фосфоресцирующие воды залива.

Предупредив Дэвида Стерлинга и попрощавшись с хозяевами раута, пожелав им счастливого пути и семь футов под килем, он покинул судно на скутере, принадлежащем англичанину.

Нагонявшись до головокружения в отдаленной безлюдной части залива, Святой пришвартовал скутер у причала яхт-клуба, поболтал о пустяках с говорливым сторожем и раньше

обычного отправился спать. В постели он долго ворочался, скручивая жгутом простыни. Вздвигал подушку. Переворачивался со спины на живот и обратно. Вентилятор широкими лопастями молотил воздух, борясь с духотой. Укрепленный под потолком, он мерно урчал, а лопасти сливались в темный круг.

Уставший от бессонницы Святой смотрел на поскрипывающий допотопный прибор, оставшийся в комнате скорее для украшения интерьера, нежели по необходимости, и ему грезились рев вертолетных винтов, пороховая гарь, клочками тумана клубившаяся в расщелинах скал, звон стреляных гильз под ногами и багровая, будто истекающая кровью луна, зависшая над треклятым перевалом...

Утром яхта «Свордфиш» снялась с якоря. Попутный ветер натянул полотнища выставленных парусов. Яхта взяла курс на северо-восток.

Где-то в районе острова Льянос судно разминулось с нефтеналивным танкером, шедшим под панамским флагом. Наливник, осевший по самую ватерлинию, спешил в порт, чтобы облегчить свое тяжело загруженное чрево.

Сквозь окуляры мощного бинокля Бодровский разглядывал флаг, похожий на застиранный носовой платок, надстройку в задней части судна, одинокую фигурку матроса, вышедшего из недр гигантской посуды подышать чистым воздухом.

Опустив бинокль, владелец яхты помассировал надбровные дуги, а когда опять приник к окулярам, громадина танкера, промелькнув на горизонте черной полоской, растворилась в голубоватой дымке.

Ровно пятьдесят лет назад примерно по тому же маршруту, которым проследовал танкер, плыл турецкий пароход «Бакир». Впередсмотрящий до рези в глазах вглядывался в чехарду волн. Военные бури миновали, оставив после себя рогатую смерть, – противокорабельные мины, дрейфующие по Адриатике. Круглые, с рожками-взрывателями, похожими на уродливые наросты, они продолжали топить суда, не разбираясь в национальной принадлежности. Минные тральщики чистили фарватер, но осенние штормы снова и снова приносили забытую смерть на морские караванные пути.

«Бакиру» сопутствовала удача. Корабль прибыл в порт назначения.

Расторопные грузчики освобождали трюмы, подъемные краны помогали людям поскорее перенести на сушу восточный товар. Среди тюков, прибывших из Турции, было несколько джутовых мешков с изюмом. Внутри них находилось по два увесистых пакета из проволощенной, не пропускающей влагу бумаги, которой были обернуты брикеты бурой массы.

Турецкую посылку извлекли из мешков итальянцы, говорившие с американским акцентом. Сложив пакеты на сиденье легковушки, парни, одетые, как чикагские гангстеры, привезли груз на фармацевтическую фабрику, имеющую государственную лицензию на изготовление сильнодействующих болеутоляющих препаратов. Там бурая масса превратилась в белый кристаллический порошок, чье полное название – диацетилморфин – знают лишь исследователи химии и фармакологии, а общеупотребительное – героин – известно в истории международной преступности всем от мала до велика.

Пароход «Бакир» без преувеличения открыл новую эру, доставив первую крупную партию опиума-сырца – исходного продукта для изготовления героина – на перерабатывающие фабрики Италии.

Сподвижники короля американских гангстеров Аль-Капоне, гниющего заживо от сифилиса в меблированной камере федеральной тюрьмы, уверенно осваивали новую сферу деятельности, сулившую колоссальные прибыли. Поднакопив денег и опыта на нелегальной торговле алкоголем во времена сухого закона, мафиози, почти поголовно выходцы из Италии, нашли выгодное дельце для вложения и оборота капитала. Спрос на наркотики в разжиревшей послевоенной Америке уверенно рос, а он, как известно, рождает предложение.

Вопрос состоял в одном – где найти стабильные источники сырья. Без белого сока, который выделялся из надреза, сделанного на коробочке спелого мака, и, загустевая, превращался в неприглядного цвета массу, то есть опиум-сырец, предприятие не имело смысла.

Но был бы покупатель, а продавец найдется. Это правительства разных стран тратят годы, чтобы утрясти какую-нибудь дипломатическую проблему или нормализовать отношения. Преступные сообщества быстро находят общий язык и моментально раскручивают совместные предприятия.

По-американски деловитые мафиози навели мосты на Средний Восток, скооперировались с тамошними главарями, контролирующими рынок опиума, и карусель закружилась. Турция первой стала основным поставщиком сырья для героинового конвейера.

Народы, издревле населявшие Малую Азию, познали дурманящую сладость твердеющего на воздухе млечного сока мака. Его называли по-разному: древние греки, разгонявшие маковыми лепешками грусть и добавлявшие экстракт мака в вино, именовали его просто соком; персы, вытеснившие греков из Малой Азии, называли опиум териакон, а арабы, пришедшие на полуостров из безжизненных знойных пустынь, величали вещество, дарующее блаженство, офиун. От этого арабского слова и пошло название опиум.

Вскоре сыновей пустыни изгнали турки, позаимствовав у них способ добывать сок и делать из опиума-сырца хлебцы. Подданные султана, которым Коран запрещал пить вино и другие спиртные напитки, часами жевали эти веселящие хлебцы, и их души улетали в райские сады Аллаха. Правда, воинам, особенно гвардии султана – янычарам, вкушать хлебцы запрещалось под страхом смерти. Позднее опиум стали курить, научившись изготавливать после многомесячного ферментативного брожения небольшие шарики, которые вкладывались в специальные длинные трубки. Первые клубы дыма вгоняли человека в дремоту с фантастическими видениями.

Опиомания стала настоящим бедствием для Китая, да и в просвещенной Европе аристократы и писатели любили побаловаться чудодейственным дымком.

Но курение опиума оставалось экзотическим увлечением, доступным лишь богатым прожигателям жизни. Однако, пока турки, сглатывая слюну, пережевывали сгустки макового сока, дотошные европейцы экспериментировали. Скромнейший немецкий аптекарь Фридрих Сертюнер, с детства увлекавшийся алхимией и химическими опытами, надолго уединился в лаборатории, предпочитая возню со стеклянными колбами и ретортами ухлестыванию за симпатичными клиентками аптеки. Молодой фармацевт был незаурядным исследователем, сумевшим выделить из опиума порошкообразное вещество, легко вступающее в реакцию с аммиаком. С чисто немецкой пытливостью герр Сертюнер проверил порошок на живых организмах. Переловив множество собак в окрестностях городка, он скармливал псам отборную говядину, обильно посыпанную порошком. Четвероногие, сожрав мясо, впадали в глубокий сон и не чувствовали даже болезненных уколов, дырявящих их шкуру.

Проницательный аптекарь понял, что совершил маленькую революцию. Новое вещество он назвал морфием, в честь древнегреческого бога сна, запечатленного на древних фресках и амфорах с крыльями за спиной и цветком мака в руке.

А затем с перерывом в пятьдесят лет последовал очередной переворот, имеющий непосредственное отношение к истории наркомании. На сей раз французский врач Шарль Провад подарил миру шприц для подкожных впрыскиваний. Благородное в общем-то изобретение стали использовать наркоманы.

Морфинизм процветал в европейских столицах. Богема, художники, артисты сделали его модным увлечением. Кое-кто воспел в своих произведениях средство, позволяющее выйти за границы реальности.

Впрочем, ради справедливости нельзя не отдать должное морфию, оградившему человека от непереносимой смертельной боли. На операционном столе, в постели, когда неиз-

лечимая болезнь сопровождается ужасными страданиями, в полевых лазаретах, где спасали раненых солдат, на помощь приходил морфий. Такого сильного болеутоляющего средства медицина еще не знала.

Но человек – удивительное создание, умеющее обратить благо во вред. Для лечения морфинистов опять же немецкий химик путем глубокой перегонки опиума-сырца получил, как ему казалось, новое лекарство, позднее названное героином. Может, он руководствовался известной русской мудростью: клин клином вышибается, кто знает? Благими намерениями вымощена дорога в ад. Врачи спохватились слишком поздно. Джинн вырвался из бутылки! О новинке, открывающей ворота наркотического рая, узнали и продавцы, наживающиеся на человеческой слабости, и несчастные любители путешествий в мир грез, для которых реальность слишком суровое испытание скукой или сознанием собственной ничтожности.

Обширные территории на юге Турции, пригодные для возделывания опиумного мака, находились под присмотром двух-трех знатных семей, владеющих огромными земельными угодьями, пожалованными в эпоху правления султанов. Потомки великих визирей, полководцев и ловких придворных дегенерировали, проматывая состояние в парижских борделях, на лондонских ипподромах, в казино Монте-Карло, а земледельцы горбатились на крохотных наделах, выращивая скудный урожай, и у каждого имелась делянка мака.

Выходец из России, бежавший на свою этническую родину вместе с остатками армии барона Врангеля и прозванный местными крестьянами Тургут Одноглазым (глаз ему выбил рукояткой шашки пьяный казак), первым начал нелегальную скупку опиума-сырца. По слухам, он нагреб состояние во время армянских погромов и реквизиций на военные нужды, проводимых врангелевцами. Оказавшись среди единомышленников, Тургут Одноглазый, человек, хорошо ориентирующийся в обстановке, перво-наперво сделал богатые пожертвования нескольким мечетям на восстановление обветшалых минаретов и провалившихся куполов. Отдав должное Аллаху, он распеленал промасленную тряпицу, достал короткий кавалерийский карабин и метким выстрелом развалил черепа трем блюстителям порядка, контролировавшим этот обширный регион.

Русская революция привила турку любовь к радикальным мерам. Поэтому Тургут Одноглазый не стал церемониться и с остальными противниками, чинившими ему препятствия в скупке бурых кирпичиков сырца. Влиятельного помещика, прибывшего из столицы разобрататься, кто это там безобразничает и лезет не в свое дело, он в духе русских чекистов поставил на колени и пустил пулю в затылок. Второго землевладельца, купившего государственную лицензию, позволяющую производить сбор сырья для фармакологической промышленности, Тургут посек на лапшу вместе с домочадцами и прислугой. По жестокости одноглазый основатель династии будущих опиумных королей не знал себе равных. Крестьяне сочиняли про него легенды и растили мак.

Дожив до глубокой старости и успев подзаработать на нелегальных поставках морфия в лихие годы второй всемирной войны, Тургут, завещав сыновьям преступный бизнес, капитал и свою странную славу, отправился держать ответ перед Аллахом.

Как гласит восточная мудрость: сокол от совы не рождается. Отпрыски одноглазого бандита, получившие образование в престижных американских университетах, вернувшись домой, привезли не только знания, но и связи с гангстерскими синдикатами Соединенных Штатов. Проинспектировав обширные плантации опиумного мака и отвалив столичным чиновникам взятки, достойные султана, братья заверили заокеанских приятелей, что с поставками проблем не будет. В неприметном ресторанчике с видом на Босфор они еще раз сообщая уточнили детали, и пароход «Бакир» отправился к берегам Италии.

Великий наркотический путь начал функционировать с исправностью фордовского конвейера. За каждый десятикилограммовый пакет опиума-сырца братьям отламывалось семьсот долларов, но при этом они не знали, что за килограмм героина, полученный при переработке

содержимого пакета, в Нью-Йорке выложат до шестнадцати тысяч «зеленых», а размешанный с лактозой – молочным сахаром – и расфасованный по порциям, он потянет на триста тысяч.

Люди Востока мудры. Братья широко рот не разевали, предпочитая хозяйничать на плантациях, задабривать чиновников и пересчитывать дивиденды. Отдыхали они в Штатах и посетили однажды Четырнадцатую-стрит – столичную улицу, прозванную «галереей уколов», пристанище вашингтонских поклонников героина. Из-за океана братья возвращались полными оптимизма, уверенно глядя в будущее. Клан креп. Деловые партнеры не подводили. У младшего брата наконец-то родился сын, названный в честь дедушки Тургутотом.

Ничто не вечно под Луной, и особенно благополучие. Первой тревожной ласточкой стал арест мафиози, ведавшего поставкой наркотиков на американские военные базы в Европе. Парень раскололся, дав публичные показания об источниках сырья, фабриках, каналах переброски наркоты. Взамен ему гарантировали пожизненное заключение в федеральной тюрьме на границе с Канадой, носящей экзотическое имя – «Сибирь». Болтуна нашли утопленным в отхожем месте. Разгромленные полицией фабрики восстановили. Чиновникам увеличили таксу, но ситуация менялась не в лучшую сторону.

Правительство Соединенных Штатов сделало ход конем. Оно заплатило турецким крестьянам, выращивающим опиумный мак, отступные. Плантации выкорчевывались под корень и засеивались злаковыми культурами. Принявших предложение брала под охрану армия. Самолеты опыляли поля сильнодействующими гербицидами. Положение клана пошатнулось. Братья и их итало-американские компаньоны теряли рынок, а он не терпит пустоты. В образовавшуюся брешь хлынул колумбийский кокаин, мексиканская марихуана и героин из стран «Золотого полумесяца» – Пакистана, Ирана, Бирмы.

Отец Тургута, обеспокоенный ситуацией, налегке, прихватив только «атташе-кейс», без юмора окрещенный портативным гробом, пересек Атлантику с целью разобраться во всем на месте. Ему помогли понять новую расстановку сил, пояснив все максимально доходчиво и доступно.

Престарелая леди, выгуливавшая вечером любимого мопса, нашла отца Тургута лежащим на клумбе. Он не нюхал чахлые манхэттенские цветы, а удобрял их корневую систему собственными мозгами, вывалившимися из черепной коробки, разнесенной пулей сорок пятого калибра. Газеты отнесли эту смерть на счет киллеров колумбийского наркокартеля, прореживающих ряды неуступчивых конкурентов.

Боссы приходят и уходят – их дела остаются.

Осиротевшего Тургута опекал дядя. Одрахлев, он отдал бразды правления в молодые руки племянника. Его воспитанник унаследовал гены одноглазого дедушки, побуждавшие Тургутот-младшего не идти на компромиссы и действовать со звериной жестокостью. Запломбировав глотки соперников свинцом, он восстановил разрушенные связи с итальянскими мафиози. Отборный опиум-сырец вновь поплыл рекой, пока и она не начала мелеть. Контрагенты Тургута под разными благовидными предлогами отказывались от поставок. Увертки поедателей спагетти были слабой отговоркой, пригодной для младенцев. По-восточному проныцательный наркоделец понял, что его алчные компаньоны клюнули на какое-то другое заманчивое предложение. Сколотив нечто вроде следственной бригады, Тургут взял под колпак слежки неверных подельников. Вскоре из разрозненных доносов агентов сложилась неприглядная картина нечистоплотных интриг, попахивающих предательством.

Выместив гнев на прислуге, Тургут отхлестал по щекам нерасторопную служанку, подавшую пережаренную рыбу, и отправился консультироваться с дядей. Патриарх клана жил в фешенебельном районе Стамбула, примыкавшем к набережной залива Босфор. Сластолюбец, каких свет не видывал, он завел гарем девушек, приехавших в поисках удачи из Содружества Независимых Государств, отдавая предпочтение славянскому типу женской красоты.

Обменявшись приветствиями и облобызавшись с дядюшкой, Тургут почтительно склонил голову и поинтересовался его здоровьем:

– Вас еще не заездили эти Наташи?..

Под последними подразумевались содержанки ушедшего на покой наркодельца. Дядюшка загоготал, отчего его черные усы взъерошились, приняв вертикальное положение, а непомерно огромное брюхо, обхваченное обручем ремня, заколебалось, точно вулкан перед извержением.

– Воздержитесь, дядя! Коран предписывает целомудрие и умеренность. Прилипчивые шлюхи доведут вас до полного истощения!

Потный, с явными признаками одряхления турок, похожий на закормленного желудями борова, умильно взглянул в глаза любимчику:

– Ты пришел пересчитывать, сколько раз за день я покрываю своих самок?

– Нет, дядюшка! – подавил смешок молодой глава клана и украдкой взглянул на часы.

С возрастом, как правило, преступники становятся очень набожными. Наставник Тургута не был исключением. Он истово долбил лбом мозаичный пол мечети, молился пять раз, совершал паломничества к святым местам мусульманского мира, вот только свою плоть укротить не мог.

– Скоро час обращения к Аллаху! Говори, мой мальчик, – прищурив заплывшие жиром глазки, произнес турок, перебирая янтарные четки.

Тургут заговорил спокойно, будучи уверенным в своих дальнейших действиях:

– Проклятые макаронники обманывают...

Дядюшка скорбно вздохнул:

– Ложь – величайший грех!

– Они нарушают договоренности. Плетут всякие небылицы про облавы карабинеров. Якобы два завода разгромила полиция, а таможня усилила контроль за судами, выходящими в рейс из неаполитанского порта. Италияшки просят передышки. Мол, пускай полиция поостынет. Насочиняли глупостей и пытаются накормить меня этим вонючим дерьмом. – На лице Тургута появились напряжение, злость, словно он заглядывал в бездну.

Непроницаемый дядюшка теребил четки, но и в его глазах разгорался волчий огонь ненависти.

– Наше положение шаткое. Ни единой доброй вести. Афганские моджахеды заваливают рынок дешевым сырьем. Уступить сегодня – значит остаться нищим завтра. Ты знаешь, дядя, как трудно было подниматься с колен после смерти отца. – Тургут прикрыл глаза ладонью.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая тихим постукиванием янтара.

– Аллах посылает новые испытания, – после недолгой паузы произнес старейшина клана. – Кто проталкивает товар? Какой? Почему макаронники заинтересовались? Купились на дешевизну? Сделка состоялась? – Тучное тело наркодельца вздрагивало от нервного тика. – Не тяни, Тургут, итальянский канал – наша золотая жила. Без него мы вылетим в трубу.

– Успокойся, дядя. У тебя давление... Все не так плохо, хвала Аллаху всемогущему и все милостивому. Груз придет из России...

– Откуда? Из России?..

Если бы дядюшке сообщили, что страной – отправителем наркотиков значится Антарктида, он удивился бы меньше.

– Да, из России, – продолжал главарь мафиозной команды. – Информация стоила дорого. Италияшки чтят обет молчания, но всегда найдется поганая пасть, открываемая деньгами. – Тургут торжествующе улыбнулся. – Я узнал кое-какие подробности. Наши друзья соблазнились на синтетическую дрянь!

Пластиковый пакетик, герметично запаянный по всему контуру, шлепнулся на столик, инкрустированный слоновой костью и вставками из яшмы. Под прозрачной оболочкой паке-

тика размером со спичечный коробок находилась почти прозрачная пыльца с чуть красноватым оттенком.

Сопящий боров взял упаковку, рассмотрел на свет:

– Синтетика?! О, Аллах, куда катится этот мир?

Его воспитанник время на вздохи не тратил, только облокотился на мягкий валик, находившийся за спиной, и холодным голосом убийцы, засекшего цель, дополнил:

– Мой информатор утверждает, что товар превосходен. Формула синтетики известна только поставщикам. Кто они – информатор не знает. Парень, «сливающий» секреты, слишком мелкая сошка, но под его веки вставлены деревянные палочки. – Тургут вернул цветистый восточный оборот, характеризующий человека как отличного шпиона. – Три партии, закупленные на пробу, уже разошлись. Одну предложили драгдилерам⁵, опекающим американские базы ВВС на Сицилии, вторая отправилась за океан, третья безуспешно исследуется в лабораториях.

– И что? – подавленно прошлепал лиловыми губами дядюшка.

– Сицилийские дилеры сказали «о'кей». ЛСД в подметки не годится русской синтетике. Остальные дадут ответ в ближайшее время. Но наши друзья заказали товар. Груз уже в пути. Очень крупная партия. Оптовая поставка. Перевозится танкером. Мой информатор говорил о конвойной группе, которая будет сопровождать трейлер до Неаполя.

– Понадобится большегрузная машина? – задумчиво спросил потный боров.

– Да. Трейлер с цистерной. Водитель абсолютно нейтральное лицо. О сопровождении ничего не знает, о грузе тем паче. Товар прибудет на восточное побережье. Потом его перевезут в Неаполь под крыло этих скотов. – При упоминании о нечистоплотных компаньонах турок изобразил приступ омерзения, точно его заставили проглотить кусок свинины.

Пронзительные крики муэдзинов, призывающих правоверных к молитве, разнеслись над городом, проникли сквозь стены дома, но дядя Тургута даже не шелохнулся, взвешивая услышанное. Происки конкурентов грозили серьезными осложнениями. Торговля наркотиками тоже бизнес, подчиняющийся законам рынка. Только методы регулирования здесь другие.

Глава клана с сыновней заботливостью поправил подушечку, на которой стояли босые ноги дядюшки. Этот незначительный для непосвященного в сложный восточный церемониал жест предварял главную часть разговора. В том, что племянник пришел с готовым вариантом действий, матерый наркоделец, не знающий на склоне лет покоя, не сомневался.

– Надо проучить зарвавшихся макаронников. Псов, кусающих руку дающего, бьют палкой промеж ушей. – Лаконичное вступление произносилось на повышенных тонах. – Я перехвачу груз. Докажу, что русским нельзя доверять. Заодно сделаем неплохое приобретение. Цистерна синтетики – солидный куш. Реализуем по другим каналам и лабораторным умникам задачку подкинем. Пускай поломают головы, чего там русские понапридумывали.

– Не справятся! – Дядюшка скептически отнесся к способностям отечественных химиков. Поднапрягшись, он блеснул остатками знаний, полученных в университете: – У русских еще при царях великие химики творили. Особенно этот... – Толстяк запнулся, вспоминая сложную фамилию. – Вылитый хиппи с бородой муллы... Менделей! – Он переименовал на свой лад славянскую фамилию.

Турки скорбно помолчали, сетуя в душе на невозвратливость и тугодумство собственных ученых, допустивших отставание от высокоразвитых промышленных стран, которое никак не удавалось наверстать.

Захватив пригоршню жареных фисташковых орешков, дядюшка почавкал и похрустел ими, вытер проступившую в уголках губ слюну и вопросительно уставился на племянника:

– Перехватить груз – хорошая идея. У тебя светлая голова. Но есть маленькая деталь. Куда придет танкер? Какая машина повезет груз? Тургут, дорогой, в цепочке недостает звена.

⁵ Драгдилеры (англ.) – продавцы наркотиков.

Деланно обидевшись – в главе клана умер прирожденный актер, – племянник сказал:

– Я не идиот, чтобы строить замки на песке. Двое русских связных, представители поставщика, расслабляются на адриатическом пляже. Пеппе, мой информатор, лично отвез этих собак.

– Куда?

– В Сан-Стефано-дель-Сантино. Уютный тихий курорт. Развлечения, девушки, выпивка за счет фирмы. Связникам посоветовали не светиться. Посидеть тихо, не привлекая внимания. Все заботы по перевозке груза итальянцы берут на себя. Русским сказали – на пушечный выстрел не приближаться даже к воротам порта.

– На территории нефтяных терминалов незнакомцы сразу бросаются в глаза. Разумно... Не хотят подставлять связников и свои задницы. За русскими кто-нибудь присматривает?

Смуглое лицо Тургута сморщилось точно от зубной боли. Дядюшка нащупал слабое место.

– Пеппе нашел троих ублюдков. Недочеловеки... албанцы. Промышляют кражами, мелким разбоем. Недавно получили по зубам от какого-то миллионера. Он вышвырнул их с яхты. Я приказал Пеппе передать албанцам, что если они будут своевольничать, то живыми улягутся в могилу. Припугнул, но на этих обезьян надежда слабая. Дилетанты и к тому же дикари. – Слова Тургута отдавали душком средневековья, когда янычары живьем сдирали кожу только за намек на непокорность. – Итак, дядя, я вылетаю в Италию. Двух мнений быть не может. Доверить операцию некому. Груз исчезнет, испарится, и итальянцы ничего не должны узнать! Иначе...

Многозначительная пауза повисла в воздухе. Только навозная муха, подкрепившаяся сладкой пудрой, гудела у окна.

– Иначе... – эхом отозвался дядюшка – сам вылитая муха в увеличенной проекции, у которой ампутировали крылья.

– Иначе разгорится война. Тень подозрения не должна пасть на наш клан. Макаронники злопамятны. Я лично проконтролирую перехват и развяжу языки русским, – тоном фельдмаршала, посылающего полки на штурм, произнес Тургут.

«Совсем недавно был мокроносым щеночком, а вымахал в матерого волка. Воистину щедрость Аллаха безмерна», – защемило в душе толстяка.

Сутки спустя лайнер турецкой авиакомпании приземлился на бетонную полосу аэропорта Римини. Четверо мужчин восточной внешности прошествовали по зеленому коридору таможни, не подвергаясь досмотру. Впереди группы вышагивал высокий красавчик с тщательно прилизанными волосами и кокетливой щеточкой узких усиков под носом. Сотрудник спецподразделения полиции, осуществлявший визуальный контроль за прилетевшими рейсом Стамбул – Римини, принял группу за десант коммивояжеров, прибывших отдохнуть от мусульманских запретов и окунуться в атмосферу раскованных нравов. Одетые в костюмы свободного покроя из легкой ткани светлых тонов, турки неторопливо пересекли центральный зал аэропорта, прошли через стеклянные двери и оказались на плавающей от жары улице.

Стройный лидер четверки, сведя к переносице брови, осмотрел припаркованные машины. Не разжимая зубов, он процедил:

– Опаздывает Пеппе... опаздывает...

Остальные подобострастно закивали головами, осуждая беспутного Пеппе, заставляющего себя ждать.

Зоркий таксист, заметивший потенциальных пассажиров, лихо вырулил, пройдясь колесом впритирку к бордюру. Опустив стекло, водитель с дружелюбной улыбкой предложил:

– Садитесь, «синьоры»... Довезу... не обману!

Высокий турок с усиками остался неподвижным, точно мраморная статуя. Он даже не удосужился взглянуть на таксиста.

В салон машины просунулась образина, смахивающая на морду Кинг-Конга. Дохнув облаком чесночного соуса, рожа рывкнула на ломаном итальянском:

– Проваливай!

Если природа постарается, то монстры удаются у нее на славу. Видимо, над этим образцом натура трудилась не покладая рук. Водитель, немедленно исполнивший высказанное пожелание, потом рассказывал друзьям, что чуть не обмочился, увидев перед носом выпяченную бульдожьей челюстью, сплюснутую картофелину боксерского носа, теряющегося в складках щек, и гладко выбритый череп с узким дегенеративным лбом.

– Мамма миа... – заливался таксист. – Такого парня надо в клетке возить!

Прошло еще минут шесть после отъезда такси, прежде чем к занервничавшим туркам подкатил серый микроавтобус «Фиат Улисс» со сломанным дворником на ветровом стекле и погнутой, точно старая вязальная спица, антенной. Дверь микроавтобуса отворилась нараспашку. Пеппе, молодой человек с прической фаната рэпа, обутый в растоптанные кеды, теннисным мячиком выпрыгнул на плиты тротуара.

– Синьор Тургут, тысячу извинений! Попал в пробку на перекрестке! Безумно рад вас видеть! – экспансивно тараторил хозяин микроавтобуса, оглаживая побритый затылок.

Наркоделец, прибывший собственной персоной на Апеннинский полуостров, словно не замечал юлившего перед ним парня. Мановением мизинца он подозвал тяжеловеса, только что отогнавшего таксиста:

– Карапуз, предупреди мальчика, чтобы впредь был пунктуальным.

Самый внушительный по габаритам бандит из группы Тургута, приставленный дядюшкой опекать любимого племянника, подошел к опоздавшему и с силой слесарных тисков сжал локоть Пеппе. Тот, ойкнув, зашлепал резиновыми подошвами о тротуар, будто набирая разгон перед прыжком.

– Хозяин не привык ждать! – пробасил верзила, нехотя отпуская враз взмокшего и побледневшего рэпера.

Ремеслом верного слуги клана по кличке «Карапуз» было убийство, точнее, палачество. Именно он приводил в исполнение приговоры, вынесенные главами семейства. Сам Тургут иногда ужасался мрачным фантазиям киллера, обставлявшего процедуру перехода жертвы в мир иной садистскими пытками, после которых приговоренные напоминали кучу фарша и размолотых костей. Патологический садист, по-собачьи преданный клану, был незаменимым для беседы с самыми неговорчивыми клиентами. Попади в руки Карапуза от рождения немой и тот спел бы оперную арию. Одна внешность убийцы, гибрида быка и обезьяны, действовала на противника лучше нервно-паралитического газа. К тому же киллер неплохо стрелял, виртуозно дрался на ножах, а по части перерезания глоток не знал себе равных. Такие экземпляры по нынешним временам встречаются только на Востоке, не до конца развращенном комфортом цивилизации.

Карапуз подтолкнул парня к микроавтобусу:

– Заводи арбу!

Пока спутники киллера рассаживались, ставили сумки в багажное отделение, верзила, занявший место рядом с водителем, ущипнул приподнявшегося парня за ягодицу:

– А я бы поймел тебя, малыш. – Обезьянья рожа Карапуза расплылась в похотливой улыбке, которая моментально погасла.

Шеф, отражавшийся в зеркале заднего вида, приподнял бровь, демонстрируя свое недовольство сексуальными шалостями слуги клана.

Турбодизель «Улисса» мягко зарокотал. Моргнув стоп-сигналами, микроавтобус покинул парковку и влился в поток машин. На шоссе развязке он свернул и помчался по автострате, ведущей на юг, в сторону Сан-Стефано-дель-Сантино.

За стеклом мелькали пейзажи, вдохновлявшие не одно поколение живописцев. Зигзагообразная дорога пролегла по побережью. Море напоминало о себе пунктирами водной глади за холмистой линией горизонта.

Созерцать идиллические пейзажи туркам было недосуг. Из приготовленной Пеппе сумки, примостившейся между вторым и третьим рядами сидений, гангстеры доставали оружие. Помогая друг другу, они нахлобучивали сбрую, убирая пистолеты в кобуру. Все, за исключением Карапуза, вооружились «береттой» – пистолетом, входящим в так называемую «великолепную девятку» лучших орудий смерти этого типа.

Со здоровяком, ерзавшим на переднем сиденье, вышла осечка. Короткоствольный «скорпион», автомат спецслужб и грабителей банков, он принял безропотно. С видимым удовольствием погладил усеченный хоботок ствола, присоединил магазин, выставил предохранитель на нулевую отметку. Высоко подняв левую руку, он спрятал автомат под мышку и, застегнув пиджак, посмотрелся в зеркало. Просторная одежда идеально скрывала оружие.

– Ну... – Киллер выжидательно уставился на водителя.

Парень непроизвольно поддал газу, превышая скорость, установленную на этом участке шоссе.

Лапища Карапуза пошурудила в опустошенной сумке. Из ее недр он достал армейский штык-нож в черных пластиковых ножнах. Рассмотрев зеркально отполированное лезвие, рукоятку, выточенный желобок для стока крови, киллер, набычившись, обрушился на Пеппе с руганью:

– Зачем мне эта зубочистка?!

Пеппе слабо оправдывался, все чаще отрываясь от дороги:

– Ты же заказывал штык-нож. Получи... отличный американский нож. Прекрасная заточка. Режет стальную проволоку словно спагетти! Новенький...

– Я просил от «калашникова»! Придурок! Русский или, в крайнем варианте, китайский! Болван, у тебя мозги стали жидкими от вина! Вы слишком много пьете! – Киллер, распаляясь, тихонько покалывал парня в бок.

– Отвяжись, скотина! Чем я тебе не угодил? Почему именно русский штык-нож? – огрызнулся Пеппе, подпрыгивая в кресле. Казалось, на него напали блохи, от которых он пытается отбиться.

– У меня рука привыкла к рукоятке! Дебильный макаронник! Что я буду делать с этой ковырялкой? Брить... вашим шлюхам?! – брызгая слюной, орал Карапуз.

На задних сиденьях раздавались смешки приятелей. Представление хоть как-то скрашивало дорогу и снимало напряжение перед акцией. Перепалка превратилась в сплошной поток сквернословия, где турецкие и итальянские ругательства сливались в причудливую мешанину брани.

Тургут смеялся вместе со всеми, держась за бока.

Импровизированный спектакль прервали огоньки на дороге: синие и красные точки, вспыхивая, попеременно сменяли друг друга. За переносным шлагбаумом угадывались фигурки полицейских в черной форме, перекрещенной белыми линиями ремней и портупей.

Пеппе нажал на тормоз и испуганно воскликнул:

– Откуда они взялись? Чтоб им провалиться в преисподнюю!

Визг протекторов, скользящих по асфальту, заглушил щелчок снимаемого с предохранителя автомата. Когда к микроавтобусу подошел офицер, Карапуз почесал подмышку с невыразимым блаженством на лице.

Отдав честь, офицер дорожной полиции хмуро осмотрел пассажиров.

– Прошу простить, но вам придется подождать или вернуться, – устало произнес полицейский, прикуривая от услужливо поднесенной Карапузом зажигалки.

– А в чем дело? Что-нибудь случилось? – вежливо поинтересовался глава клана, вышедший из микроавтобуса.

Он стоял в наглухо застегнутом пиджаке, положив правую руку на сердце.

– Трасса заблокирована. Авария, – затянулся сигаретой офицер. – Водитель трейлера задремал за рулем и врезался в столб эстакады. Инженеры проверяют трещины. Пока не дадут разрешения – движение по мосту закрыто. Извините, таковы правила.

Отказырав, офицер поспешил удалиться, заметив, что один из пассажиров, похожий на гору с лысой макушкой, поливая колесо мочой, создал маленькое озерцо, расплзшееся по асфальту, и, что самое отвратительное, начищенные до зеркального блеска форменные ботинки полицейского оказались чуть ли не в центре этого зловонного водоема.

– Тупорылые азиаты! Отсталый все-таки народ эти турки! – костерил вполголоса офицер, сойдя с шоссе на траву обочины. – Может, вернуться и вздуть парней как следует? Устроить проверку документов, раскрутить по винтикам микроавтобус? А... да пошли они к чертям собачьим! – сплюнул в сердцах полицейский, ожидавший приезда специализированной машины спасателей, укомплектованной автогенном, всевозможными резаками, пневматическими домкратами и реанимационным блоком аппаратуры.

Разбившегося водителя надо было вырезать из спрессованной кабины, производить идентификацию личности и срочно разблокировать магистраль.

Серый «Улисс», за которым уже скопилась очередь машин, развернулся, описав неправильную дугу, и, рискованно маневрируя, демонстрируя высший пилотаж вождения, стал пробираться сквозь лабиринт сгрудившихся на шоссе автомобилей. Вырвавшись на открытое пространство, он понесся к развилке, выводящей на объездную дорогу.

Подгоняемый короткими репликами прилизанного красавчика с оловянными глазами, Пеппе вдавливал до упора педаль акселератора.

Танкер уже встал на рейде порта, дожидаясь своей очереди швартовки у терминала. Русские проболтались, что завтра груз перекочет в цистерну и через сутки будет в Неаполе, а еще через сутки связным назовут шифр бокса камеры хранения железнодорожного вокзала, где будут лежать двести тысяч долларов наличными. Вторая часть суммы, по договоренности, будет переведена на банковский счет в оффшорной зоне.

– Нал конфисковать не удастся! А груз надо перехватить любой ценой. Это дело чести и престижа нашего клана! – несколько выпендренно заявил Тургут, мысленно все-таки прорабатывая комбинацию, как наложить лапу на двести «косарей».

Объездная дорога, узкая полоска асфальта, петляла между апельсиновыми рощами. Фермеры в складчину проложили ее для удобства транспортировки урожая. Извилистых поворотов было не счесть. Пеппе то и дело чертыхался, бешено крутя руль. А турки, раскачиваясь на очередном крутом повороте, по-гусиному гоготали, обкладывая забористыми восточными ругательствами безрукого шофера, фермеров и придурка, впечатавшегося в эстакаду. При этом они желали, чтобы апельсиновые рощи обглодала саранча, Пеппе посадили на кол, а вся итальянская полиция утопила оружие в клозетах и занялась мужской проституцией на базарах Стамбула.

Ближе к вечеру запыленный микроавтобус выскочил на скоростную автомагистраль и на полных парах понесся, обгоняя попутные машины, к городку, которому покровительствовал Святой Стефан.

Случайность бывает или роковой, или счастливой. Кто тасует карты и раскладывает пасьянс судеб – неизвестно. Может, Бог тоже иногда устает, и тогда дьявол разыгрывает партию. А может, ход событий заранее предопределен, случайность – лишь соединительное звено цепочки закономерностей и усилием воли ее не разорвать. Спорят философы, мистики, богословы, астрологи. Составляют гороскопы, пишут трактаты, расшифровывают древние ману-

скрипты, моделируют ситуации на мощных компьютерах, а ответ ускользает, оставляя ученых мужей в дураках.

Святой не привык полагаться на случай, на русское «авось» или «Бог не выдаст, свинья не съест». Жизнь научила его, что все предусмотреть невозможно. Он немало повидал ловких, изворотливых людей, двуличных подлецов, не сомневающих в своих умственных способностях. Большинство из них плохо кончили, так и не перехитрив судьбу или угодив в расставленные ими же самими капканы. Самый ловкий расчет оказывался безуспешным и зачастую сводил хитреца в могилу.

Выполняя роль экскурсовода четы Бодровских, Святой возил любознательную пару осматривать руины поместья знатного римского патриция. Девушка из археологической экспедиции, ведущей раскопки, показала туристам последнюю находку – мраморную плиту, где была изображена попавшая в бурю галера с сорванным парусом и под ней надпись, обращенная к богу морей Нептуну: «О Бог, ты спасешь меня, если захочешь, а если захочешь, то, напротив, погубишь меня; но я по-прежнему буду твердо держать мой руль».

– Замечательный рецепт на все случаи жизни, – сказал тогда Святой. – Я уверен, что мореход причалил к родным берегам.

– Кажется, вы достигли тихой гавани... – фальшиво улыбнулся Платон Петрович.

– В гавани тоже штормит...

С двумя новоселами виллетты номер четыре Святой познакомился мимоходом. Обычно домики, и особенно газоны перед ними, требовали постоянного ухода. То клиенты жаловались на шум цикад, то на скрипящие дверные петли или перекошенные жалюзи, то барахлил кондиционер. Святой брал мелкий ремонт на себя, что весьма импонировало бережливому англичанину.

Двоица, державшаяся особняком, претензий не предъявляла. Они вообще редко покидали виллетту, сидели в четырех стенах, как мыши в норе. Пустопорожних разговоров не вели, изредка, когда спадала полуденная жара, барахтались на мелководье городского пляжа. Там их и присмотрел Святой, опознавший соотечественников по редким репликам, обрывкам фраз, матерным словам, вворачиваемым по поводу и без.

Примерно одного возраста, роста и комплекции, они разнились шевелюрой, цветом кожи и разрезом глаз. Один, черноволосый с угреватым лицом, был или киргизом, или скорее калмыком. Второй был флегматичный славянин, вечно что-то жующий, с рыжеватыми патлами, курчавившимися у висков конопатого, с выпуклыми глазами лица.

Калмык и Лупатый, как прозвал парочку Святой, вели почти монашеский образ жизни, если бы не проститутки. Услугами жриц любви они пользовались на всю катушку, точно племенные быки-производители, вырвавшиеся из стойла. Особенно свирепствовал калмык, менявший партнерш каждый божий день. На этой почве и произошло их знакомство.

Святой ковырялся с заклинившим вентилем поливной системы, орошавшей лужайку перед виллеттами. Одноэтажное здание в форме буквы «п» казалось безлюдным. Постояльцы не жили на золотистом песке пляжей, осматривали архитектурные памятники, сидели в кафе.

Святой специально подобрал такое время, чтобы не беспокоить туристов скрежетом разводного ключа и другими малоприятными звуками.

Он приступил к ремонту, машинально насвистывая незатейливый мотивчик застрявшего в голове отечественного шлягера из репертуара Аллы Борисовны. Мимо, по дорожке, ведущей к левому крылу здания, поддерживая под локоток очередную пассию, прошел Калмык с покрасневшей от возбуждения физиономией. Его раскосые глазки маслянисто блестели, и он постоянно облизывал тонкие змеиные губы. Дама, пышнотелая блондинка в мини-юбке из кожаменителя, ничего не понимая в комплиментах, произносимых по-русски, гоготала басом, похлопывая Калмыка по ширинке рукой с дешевыми побрякушками на запястье и пальцах.

Постоялец четвертого номера провел даму, бросив косой взгляд на музыкального сантехника. Шлепнув проститутку по ягодицам, не уступающим заднику бронетранспортера, Калмык, поковырявшись ключом в замочной скважине, открыл дверь и скрылся за ней вместе с подругой. Но что-то не заладилось. Оконное стекло не могло заглушить возмущенной скороговорки проститутки, судя по выговору, югославки.

Святой принялся собирать инструмент в пластиковый футляр, решив перенести работу на завтра. Слушать вопли деbeatой коровы, а тем более принимать участие в разборках ему не хотелось.

Он уже поднялся с колен и отряхнулся, но уйти не успел.

– Эй, землячок! – Калмык в наброшенном на голое тело махровом халате стоял, облокотившись о дверной косяк.

– Ты меня? – по-русски спросил Святой.

– Шпаришь по-нашенски! Это в жилу! А я просек в момент, если бодягу Алкину выдаешь, значит, зема!

Развевающийся халат не скрывал его наготы. Быстрым шагом Калмык прохрустел по гравию дорожки, примял траву газона. Подойдя, он панибратски, небрежным жестом поприветствовал Святого.

– Слушай, братан, тут такая лажа выходит... – с шепелявым присвистом забормотал Калмык. – Видел, какую мадонну я цапанул?

– Видел, – кивнул Святой.

– Выпендривается, сучка. Отказывается без резинки перепихнуться. Вовпит по эйds... про СПИД, значит! – Растопырив пятерню, Калмык почесал пах.

Святой огляделся и деликатно посоветовал:

– Ты бы прикрыл хозяйство, а то выставил аппарат на всеобщее обозрение. Дети кругом...

Никаких детишек перед виллеттами и в помине не было, но мужчина послушно запахнул полы халата.

– Приятель, не в службу, а в дружбу слетай за гондонами. Тут автомат за углом стоит... Извини, что напрягаю, но такой расклад паскудный, что мне из номера отлучаться ну никак нельзя и подругу неотоваренную отпускать жаль! – растягивая гласные буквы, с прибалтненным акцентом тараторил Калмык.

Несмотря на жаргон, он явно не принадлежал к касте «братков». Его наблатыканная фея показалась Святому искусственным, плохо заученным текстом. Прошедший тюремные университеты, Святой мог распознать, для кого жаргон стал родным языком, единственным способом общения, а для кого притворством, подстраиванием под чуждые стандарты зоны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.